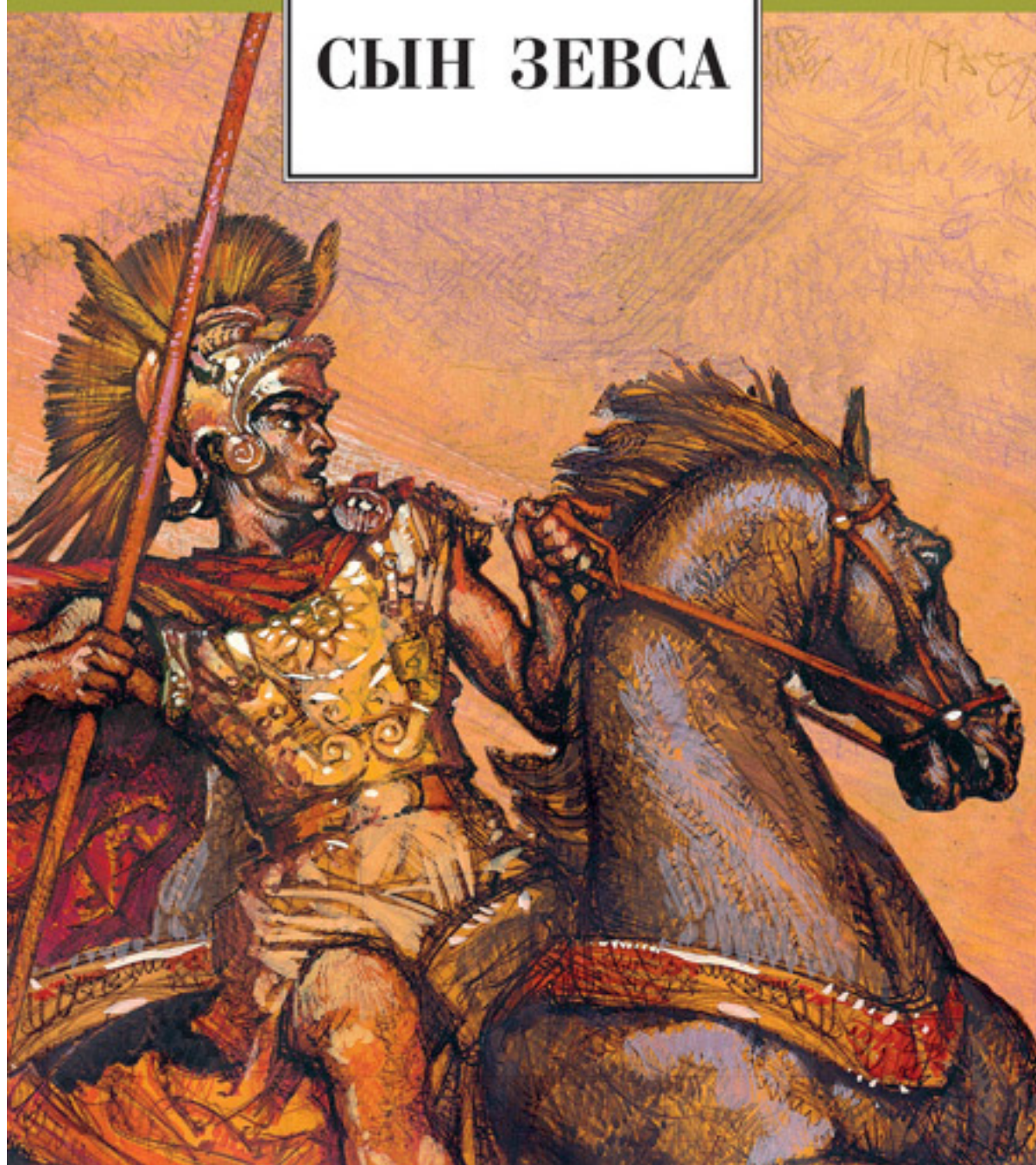

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Любовь Воронкова

СЫН ЗЕВСА

Любовь Федоровна Воронкова
Сын Зевса
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8476321
Сын Зевса [предисл. В. Путилиной]: Дет. лит.; Москва; 2008
ISBN 978-5-0-8004256-0*

Аннотация

В романе «Сын Зевса» известной детской писательницы Любви Воронковой описываются детство и юность знаменитого полководца Античности, политика и государственного деятеля Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.), условия, в которых он рос и воспитывался, его первые самостоятельные шаги на военном и государственном поприще.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Л. Ф. Воронкова и ее книги	5
Сын Зевса	8
Откуда начался род Македонских царей	9
Счастливый день Филиппа	12
Филипп и Олимпиада	16
Кто такой Демосфен	21
Александр уходит в мегарон	25
Первая Олинфская	29
Конец Олинфа	32
Персидские послы	34
Раздоры в Элладе	38
Букефал	41
Аристотель	44
Миэза	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Любовь Федоровна Воронцова
Сын Зевса
Исторический роман

Л. Воронкова

1907–1976

Л. Ф. Воронкова и ее книги

Имя замечательной русской писательницы Любови Федоровны Воронковой известно во многих странах мира – так велика популярность ее книг.

Писательница знала тайну живого слова. Потому все в ее книгах живет, дышит, звучит. В них слышны голоса птиц и зверей, лесные шорохи, журчание ручья. Тихим огоньком светится фонарик-светлячок. А если затаиться, можно увидеть, как расправляет лепестки проснувшийся цветок. И люди в ее произведениях живут, как в настоящей жизни, – работают, думают, грустят и радуются, помогают друг другу. Там все правда.

Откуда пришло к ней живое слово?

Прежде всего из деревенского детства.

Любовь Федоровна родилась в Москве в 1906 году. Но позднее ее семья переселилась в небольшую подмосковную деревушку, и этот период жизни оказался для писательницы очень важным, повлиявшим на характер ее творчества. Там, в деревне, у нее выработалась привычка к постоянному, терпеливому труду. Открылась красота русской природы. И она потянулась к перу, чтобы в стихах и прозе выразить свою любовь к земле и людям труда.

Уже взрослой она вернулась в Москву и стала журналисткой. Много ездила по стране и писала о жизни на селе: ей была близка эта тема.

В 1940 году вышла ее первая книга «Шурка». Потом появились «Девочка из города», «Солнечный денек», «Гуси-лебеди». Эти книги, ставшие классикой детской литературы, говорят о главном: о любви к Родине, уважении к труду, людской доброте и отзывчивости. А еще – о преодолении себя. Человеку страшно, но он идет, чтобы отвести беду от кого-то. Конечно, такой человек вырастет сильным духом и, когда это необходимо, окажется способным на подвиг.

Каждый из героев, созданных воображением писательницы, был ей по-своему близок и дорог. И все-таки более других она любила Валентинку из книги «Девочка из города». Жалела ее за обездоленное войной детство.

Повесть «Девочка из города» написана в годы войны, но до сих пор трогает сердца детей и взрослых, потому что рассказывает не только о великом бедствии, но и о великой доброте народной, которая помогает выстоять в лихие времена, возвращает веру в жизнь.

Никого не оставит безучастным и книга «Гуси-лебеди». Она немного грустная, но ведь и жизнь наполнена не одними только радостями. Случается иногда и погоревать, особенно когда тебя не понимают близкие люди, к тому же те, с кем хочется дружить. Так было у деревенской девочки Аниски. Ее тонкие движения души и неожиданные на первый взгляд поступки казались окружающим странными и непонятными, что приносило ей немало огорчений и заставляло страдать.

Аниска – сложный, поэтический характер, и, создавая его, писательница будто приоткрывала своему читателю тайну о человеке, о том, что он не всегда такой, каким кажется, и надо уметь видеть в нем лучшее, скрытое от поверхностного взгляда. И о том, как богат внутренний мир человека и как он прекрасен! Но увидеть это и понять может только чуткое сердце.

У Любови Федоровны сердце было большое, чуткое, отзывчивое. А ее дом напоминал волшебную страну, где происходят всякие чудеса. Там были написаны ее книги. Там собирались ее друзья. Там она, как настоящая ведунья, разговаривала со своими цветами, будто те живые существа. А ранним утром будили ее там голоса постояльцев балкона: воробьи, синицы, две приметные галки, голуби. Она кормила птиц, добродушно ворча на них за бойкую говорливость.

Но и цветы и птицы – все это было лишь вступлением к главному чуду: к приходу героев будущих книг.

Они появлялись – кто тихо, кто шумно, в соответствии со своим характером. И она, отбросив все земные заботы, садилась за рабочий стол. Самый обыкновенный стол, за которым уютно сидеть с друзьями, говорить с ними по душам, пить чай. Но это будет потом. А сейчас начиналось колдовство над рукописью. И так каждое утро, светлое, неприкосновенное ее время, отданное работе. И каждое утро – три страницы. Иначе не успеть написать все, что задумано. «Работать надо, работать, – не уставала она повторять. – В работе нашей – жизнь, радость».

Писательство для нее было высшей радостью.

В последние годы Любовь Федоровна писала исторические повести и романы. Для нее самой не был случайным такой, казалось бы, резкий переход из дня сегодняшнего в глубь веков. Ее давно уже манили сюжеты древней истории, любимым чтением стали древние писатели: Плутарх, Павсаний, Фукидид, Геродот. Своего рода напутствием служили ей в избранном жанре слова «отца истории» Геродота, который писал свои труды, «...дабы от времени не изгладились из памяти деяния людей и не были бесславно забыты великие и удивления достойные дела...»

Очень долго Любовь Федоровна не решалась взяться за свою первую историческую книгу. То, о чем она писала раньше, было ее родной стихией: все знакомо, все близко и понятно, на все можно было поглядеть своими глазами. А как увидеть то, что уже прошло, кануло безвозвратно в вечность? Нет такого поезда, который привез бы в минувшее время, где жили люди, о которых ей хотелось рассказать в задуманной книге.

Она стояла будто перед закрытой дверью, ведущей в незнакомые миры. Надо было старательно подготовиться к встрече с ними. И она готовилась. Она изучила горы исторических материалов, целиком погрузилась в ту эпоху, о которой собиралась писать.

Вот тогда таинственная дверь отворилась, и писательница оказалась в VI веке до нашей эры, когда жил персидский царь Кир. О нем была ее первая историческая повесть. Потом она заглянула в еще более ранние века, когда шли Мессенские войны.

Если в повести «След огненной жизни» центром внимания оказывается царь Кир, его необычная судьба, то в «Мессенских войнах» главным действующим лицом выступает целый народ из маленькой страны Мессении, который мужественно сражался за свободу и независимость. Вынужденный покинуть свою страну, скитаясь триста лет по чужим землям, этот народ не забыл ни своего языка, ни обычаев родины. И нам, несмотря на отдаленность эпохи, близки помыслы и деяния мессенцев, прославивших себя в веках героической борьбой за свободу и своей преданной любовью к родине.

В истории Л. Ф. Воронкову привлекали сильные и необычные характеры, которые влияли на ход исторических событий. Потому она и обратилась к образу Александра Македонского (356–323 гг до н. э.). Так появились две ее книги: «Сын Зевса» – о детстве и юности македонского царя и «В глубь веков» – о его завоевательных походах и создании государства, включившего в себя земли Европы и Азии.

Прежде чем приступить к созданию романа об Александре Македонском, она прочитала множество книг о нем и той эпохе, в которую он жил, изучила посвященные ему серьезные научные труды, а когда пришла пора писать главу о его походах в Среднюю Азию, отправилась в те края, чтобы найти там для своей книги дополнительный материал.

Она побывала в Самарканде, или Мараканде, как называли во времена Александра Македонского этот город, через который в 329 году до нашей эры проходил со своими войсками знаменитый полководец и сильно его разрушил. Была она и в Бухаре, и в ее окрестностях, входивших когда-то в страну, известную под именем Согдиана. Там согды, возглавля-

емые Спитаменом, оказывали отчаянное сопротивление Александру Македонскому – этому событию отведены трогательные страницы в книге «В глуби веков».

Она бродила по узким улочкам древних городов Узбекистана, всматриваясь в лица людей, и восхищалась их красотой, гордой осанкой, видя в каждом из них потомков тех согдов, которых возглавлял Спитамен.

Вдумчиво, с интересом она входила в незнакомый ей ранее мир Востока и смотрела на все глазами художника. Она запоминала цвет неба и цвет пустыни в разное время года, подолгу глядела на горы вечерней зарей и на рассвете, любовалась цветением садов и яркими, непередаваемыми красками осени. Ведь как и во времена Александра Македонского, здесь таким же знойным было солнце, так же иссушающе дули ветры, не изменили своего цвета горячие пески, по-прежнему вечными снегами были покрыты вершины гор, а небо не потеряло своей ярчайшей синевы.

Впечатлений от знакомства со Средней Азией было так много и они оказались такими сильными, что писательница не смогла отойти от них. Ей захотелось рассказать о полубившемся крае, и появилась маленькая книжка «Сад под облаками» – о жизни узбекской детворы. Позднее она написала книгу «Неистовый Хамза» – художественную биографию известного узбекского писателя и революционера. Собиралась писать и о знаменитом астрономе Улугбеке, но не успела. В 1976 году писательницы не стало.

Последняя книга, вышедшая при жизни Любови Федоровны Воронковой, – «Герой Саламина». Увлекательный сюжет, стремительность действия, тонкий психологизм, чувство времени, природы, чистый, прозрачный язык. Здесь все соразмерно, все построено прочно.

Уже с первых страниц повести мы входим в бурную, полную беспокойств и тревог жизнь Афинского государства. На собрании граждан страны решаются главнейшие вопросы их жизни.

На Элладу двинул несметные полчища персидский царь Ксеркс. Ему, несомненно, удалось бы завоевать и Афины и Спарту, – ведь почти все эллинские города-государства покорились ему, – если бы не Фемистокл.

Фемистокл сумел поднять соотечественников на борьбу против врага, вселить в их сердца веру в победу – и победа пришла.

С большим мастерством описывает Любовь Федоровна Воронкова события тех лет и действующих в повести героев, с их неожиданными поворотами судьбы. Здесь запоминается каждый. Но особенно убедительно и психологически достоверно нарисован портрет главного героя – Фемистокла. Меняются времена, идут годы – другим становится и он. Лишь в одном Фемистокл остается неизменным: в своей любви к родине.

Книга «Герой Саламина» – свидетельство того, как с годами все с большей глубиной, какими-то новыми гранями раскрывался талант писательницы в труднейшем жанре – жанре исторического романа.

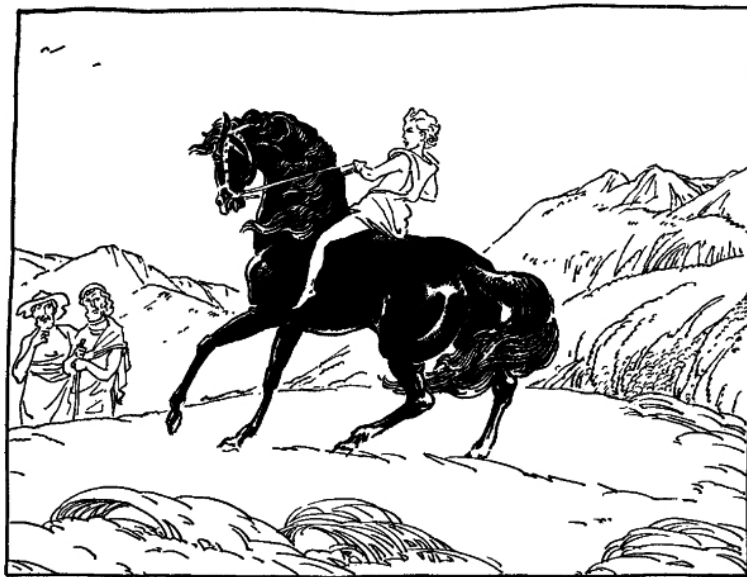
События глубокой старины показаны в исторических произведениях Любови Федоровны Воронковой. Но они волнуют нас. И будут волновать всегда. Потому что это Прошлое человечества. А постижение Прошлого помогает понимать Настоящее. Во имя Будущего.

Валентина Путилина

Сын Зевса

Откуда начался род Македонских царей

Когда-то, в глубокой древности, из Аргоса, срединного государства Эллады, ушли в Иллирию три брата. Блуждая по лесистой горной стране, они из Иллирии перебрались в Македонию. Здесь братья нашли пристанище: нанялись пастухами к царю. Старший брат пас табуны царских лошадей. Средний – стада коров и быков. А младший гонял в горы на пастбище мелкий скот – коз и овец.

Пастбища в горах и долинах были привольные, но надо было уходить далеко от дома. Поэтому жена царя давала пастухам на весь день хлеба, всем поровну. Царица сама пекла хлеб, и каждый ломоть был у нее на счету.

Казалось, все идет хорошо и спокойно. Однако царица почему-то стала задумываться. И однажды она сказала царю:

– Не в первый раз я это замечаю: хлеба я пастухам даю поровну. Но каждый раз у младшего хлеба оказывается вдвое больше, чем у братьев. Что бы это значило?

Царь удивился и встревожился.

– Это чудо, – сказал он. – Как бы не обернулось оно для нас бедой.

И тут же послал за пастухами. Пастухи пришли, все трое.

– Собирайтесь и уходите, – приказал царь, – и навсегда покиньте мою страну.

Братья переглянулись: за что же их гонят?

– Хорошо, – ответил старший брат. – Мы уйдем. Но уйдем после того, как получим плату, которую заработали.

– Вот ваша плата, берите! – насмешливо крикнул царь и указал на светлый солнечный круг, лежавший на полу.

Солнце в это время стояло высоко, и лучи его проливались в дом сквозь круглое отверстие в крыше, куда уходил дым от очага.

Старшие братья стояли молча, не зная, что и сказать на это.

Но младший ответил царю:

– Мы принимаем, царь, твою плату! – Он вынул из-за пояса длинный нож и острием очертил солнечный круг, лежавший на полу, будто вырезал его. Потом пригоршней зачерпнул, словно воду, солнечный свет и вылил себе на грудь. Так он делал три раза – черпал солнце и выливал на грудь.

Сделав это, он повернулся и вышел из дома. Братья молча последовали за ним.

Царь остался в недоумении.

Встревожась еще больше, он созвал своих родственников и приближенных и рассказал о том, что произошло.

– Что же это все значит?

Тогда кто-то из приближенных объяснил царю:

– Младший понял, *что* ты дал им, потому и принял так охотно, ведь ты же отдал им солнце Македонии, а вместе с солнцем – и Македонию!

Царь, услышав это, вскочил.

– На коней! Догоните их! – закричал он в ярости. – Догоните и убейте!

Братья из Аргоса тем временем подошли к большой глубокой реке. Услышав погоню, они бросились в реку и переплыли ее. И, едва успев выйти на другой берег, они увидели всадников, которые гнались за ними. Всадники скакали, не щадя коней. Сейчас они будут у реки, переплывут ее, и бедным пастухам уже не спастись!

Старшие братья задрожали. А младший был спокоен. Он стоял на берегу и пристально глядел на тихую, медленно идущую воду.

Но вот погоня уже у реки. Всадники кричат что-то, грозят братьям и гонят коней в реку. Но река вдруг забурлила, вздулась, подняла грозные волны. Лошади уперлись и не пошли в бурлящую воду. Погоня так и осталась на том берегу.

А три брата зашагали дальше по македонским долинам. Поднимались на горы, спускались через перевалы. И наконец оказались в прекрасном саду, где цвели необычайные розы: на каждом цветке было по шестьдесят лепестков и аромат их разносился далеко по окрестностям.

Рядом с этим садом возвышалась суровая холодная гора Бермий. Братья из Аргоса завладели этой неприступной горой, поселились на ней, построили крепость. Отсюда они начали делать военные набеги на македонские села, захватывали их. Из этих сел набирали себе отряды воинов; войско их росло. Они начали завоевывать ближайшие македонские долины. Потом покорили всю Македонию. От них-то и пошел род македонских царей.

Есть и еще одна легенда о происхождении царского рода.

Когда-то эллинским государством Аргосом правил царь Фейдон. У него был брат Каран. Карану тоже хотелось стать царем, и он решил завоевать себе царство.

Но прежде чем выступить с войском, Каран отправился в Дельфы – святилище бога Аполлона – попросить совета у божества. Оракул велел Карану идти на север. И там, встретив стадо коз, следовать за ним. Каран собрал войско и отправился на север. Указанные оракулом пути привели его в Македонию.

В одной из долин Каран увидел стадо коз. Козы спокойно паслись на зеленых склонах, и Каран остановил войско. Надо следовать за козами, но куда? На пастбище?

Вдруг хлынул дождь. Козы бросились бежать, Каран поспешил за ними. И так, следуя за козами, которые спасались от ливня, пришельцы из Аргоса вступили в город Эдесс. Жители из-за дождя и тумана, плотно накрывшего жилища, не видели, как чужеземцы вошли в их город и захватили его.

В память о козах, приведших Карана, он дал городу новое название – Эги, что значит «коза». Каран захватил царство, а город Эги стал столицей македонских царей. Этот город стоял там, где плоскогорье спускается в цветущую Эмафийскую равнину и сверкают шумными водопадами бурные реки, бегущие с гор.

Легенды жили с давних времен, передавались из уст в уста, утверждались, становились достоверностью. На знамени македонского войска было изображение козла. А македонские цари нередко украшали свой шлем козьими рогами.

А главное, что хранилось и настойчиво утверждалось в этих легендах, было то, что македонские цари пришли из Аргоса, из Эллады, что они эллины, эллины, а не варвары; варварами в глазах эллинов были все народы мира, кроме них, родившихся в Элладе.

– Мы из Аргоса. Мы из рода Геракла. Мы – эллины!

Однако Эллада стояла перед Македонией, перед этой маленькой, никому не известной страной, как величавая, несокрушимая крепость. Она была сильна сухопутным войском, в гаванях ее стояли многочисленные длинные корабли – военный флот. А круглые, купеческие, бесстрашно уходили в сверкающие просторы Среднего моря...

Македонские цари деятельно укрепляли свое государство, свои города. То и дело воевали с соседними племенами, захватывая по клочку их земли.

Но с Элладой они старались поддержать союз и дружбу. Трогать ее было опасно. Эллины захватили все побережье, отрезав Македонии пути к морю, а значит, и к торговле. Эллинские колонии подступали к самому краю македонской земли... И все-таки – союз и дружба!

Пока!

Пока Македония слаба. Пока еще нет сил встать перед Элладой с оружием в руках. Пока Македония разрозненна и нет у нее сильного войска...

Так прошло двести лет до того дня, когда к власти пришел младший сын царя Аминты – Филипп Македонский, который много бед принес эллинским городам.

Счастливым день Филиппа

Филипп, царь македонский, только что завоевал Потидею, колонию коринфян, которая поселилась на принадлежавшей Македонии Халкидике.

В панцирях и шлемах, сверкавших под солнцем, с мечами и копьями, возвращалось с поля боя македонское войско. Сильные кони, откормленные на богатых лугах Македонии и Фессалии, еще потные после битвы, ступали мерно и твердо, словно не чувствуя тяжести всадников, одетых в железо.

Войско раскинулось по всему полуострову. В разграбленном городе еще дымились пожары.

Филипп, веселый, усталый, весь в грязи и в крови битвы, сошел с коня.

– Празднуем победу! – тотчас закричал он, бросая поводья конюху. – Готовьте пир!

Но слуги и рабы и без его приказа знали, что делать. В большом прохладном царском шатре уже все было готово для пира. На столах светились золотые чаши; чеканные, тонкой работы кратеры были полны виноградного вина, из-под крышек огромных блюд сочился запах жареного мяса, приправленного сильфием – душистой пряной травой...

Сбросив доспехи, Филипп облегченно вздохнул. Он взял Потидею. Теперь этот город, всегда враждебный, не будет стоять на пути торговли Македонии с Афинами. Правда, Потидея была членом афинского союза и вряд ли действия Филиппа понравятся Афинам.

Но Пангейская область, которую он захватил вместе с Потидеей, и гора Пангея, набитая золотом, стоят того, чтобы выдержать неприятный разговор с афинскими демократами, которые ныне у власти.

Неприятный разговор... А для чего дано Филиппу красноречие, обаяние, умение льстить и покорять сердца?! Он скажет Афинам все, что они захотят услышать, он скажет все, что им будет приятно слышать, – он их друг, верный союзник, он им предан до конца жизни!.. Ему ведь не жалко слов!

А поэтому полней наливайте чаши – отпразднуем победу!

Весело за столом у царя – шум, говор, смех... В огромном царском шатре собрались его друзья: полководцы, военачальники, его этеры – телохранители, знатные македоняне, которые всегда плечом к плечу сражаются рядом с ним в кровавой сече.

Ближе всех к Филиппу сидит его полководец Птолемей, сын Лага, красивый человек с орлиным профилем – нос с легкой горбинкой, выпуклый подбородок, хищное и властное лицо.

Здесь и полководец Фердикка, неустойчивый в бою, самозабвенный на пиру, один из ближайших советников царя. Рядом с ним Мелеагр, военачальник фаланги, – плечистый, неуклюжий за столом, но ловкий на поле битвы.

Здесь и полководец Аттал, один из самых знатных людей Македонии. Уже сильно захмелевший, с черными, как маслины, глазами, он лез ко всем с развязным разговором и то и дело напоминал о том, что вот они сидят и пируют, а полководец Парменион воюет сейчас в Иллирии. А ведь Парменион – его тесть! И он, его тесть, полководец Парменион, сейчас воюет, а они сидят здесь!

И где-то вдали, среди остальных, менее знатных этеров царя, сидел, не притрагиваясь к чаше, суровый Антипатр из рода Иоллы, самый близкий царю человек, властный и опытный полководец, не раз доказавший Филиппу свою непоколебимую верность и преданность. Один из первых в бою, он был последним на пиру – Антипатр не любил пьяного и грубого веселья.

Филипп нередко повторял, смеясь:

– Я могу пить сколько захочу – Антипа не напьется (так он ласково называл Антипатра). Я могу спать крепко – Антипа не заснет!

И не раз видели, как Филипп украдкой бросал под стул игральные кости, когда появлялся Антипатр.

Царь сидел во главе стола – высокий, красивый, с большой чашей в руках, в которой светилось вино, лукавое, коварное, как сверкающий глаз бога Диониса, вырастившего лозу.

В самый разгар пира, речей и веселых возгласов в шатер вошел вестник. Он был измучен долгой скачкой, почернел от пыли. Но зубы его сверкали в улыбке.

– Победа, царь! Победа! – закричал он, подняв руку.

Все сразу умолкли.

– Откуда ты? – спросил Филипп.

– Из Олимпии, царь!

– Что?! – Филипп вскочил, чуть не опрокинув стол. – Говори!

Но у вестника уже не было голоса.

– Победа! – прохрипел он, все так же счастливо улыбаясь. – Твои лошади победили в состязаниях.

– Мои лошади! В Олимпии!

Филипп, не сдерживаясь, кричал и смеялся от радости, грохая по столу кулаком.

– Мои лошади победили! Ага! Лошади царя-македонянина победили в Олимпии у эллинов! – Он протянул вестнику тяжелую драгоценную чашу: – Пей. И чашу возьми себе. Вот как! Слышали? – ликующий, с блестящими глазами, повторял он, обращаясь к своим гостям. – Вы слышали? У эллинов в Олимпии победили лошади царя-македонянина, варвара!..

Последнее слово он произнес с горечью, в которой слышалась и угроза. Филипп вдруг задумался, помрачнел. Победные крики, поднявшиеся было в шатре, утихли.

– Вы помните, как они это сказали когда-то, в те давние времена, моему прадеду, македонскому царю Александру? – Лицо Филиппа стало тяжелым, и глаза налились гневом. – Может, вы не помните, может, не знаете? Александр тогда явился в Олимпию, хотел, как и всякий эллин, – а мы эллины из Аргоса, потомки Геракла, как вам известно! – так вот, он хотел вступить в состязание. И какой шум тогда подняли там! «Удалить македонянина из Олимпии! Удалить варвара! Варвары не имеют права участвовать в эллинских празднествах!» Но царь Александр не сдался. Он сумел им доказать, что мы, македоняне, ведем свой род от царей Аргоса, от самого Геракла. И тогда сам великий Пиндар прославил его олимпийские победы. А нынче вот, – Филипп засмеялся, – нынче и мы не только участвуем, но и побеждаем. Я велю в память этой победы выбить на моих монетах коней и колесницу – пусть не забывают, что мы умеем побеждать!

Снова в шатре забушевало веселье. Но ненадолго. Филипп, расстроенный воспоминаниями, задумался.

– Сколько потрудились македонские цари для того, чтобы укрепить и прославить Македонию! Мой отец Аминта всю жизнь вел тяжкие войны с иллирийцами, с олинфянами, отстаивая нашу независимость. А мой старший брат, царь Александр? Он, правда, действовал больше уговорами, золотом. От иллирийцев он откупился. Он готов был на все, лишь бы враги дали возможность нашей стране собраться с силами. Потому и меня тогда отдал им в заложники.

Может быть, вы скажете, что старший брат мой, царь Александр, меня не любил и не жалел? «Да, – скажете вы, – он тебя не жалел. Он отдавал тебя, совсем маленького ребенка, самого младшего своего брата, в заложники». Да, отдавал. Но ведь он это делал, чтобы защитить Македонию от врагов, которые были сильнее его. Мой старший брат был мудрым правителем. Кто перенес столицу Македонии из Эг в Пеллу? Царь Александр. Потому что здесь

безопаснее. А в Эгах мы будем хоронить своих царей. Мой старший брат Александр уже покоится там. И меня отвезут в Эги, когда умру. И моих сыновей, которые после меня будут царями. Вы же знаете предсказание: пока македонских царей хоронят в Эгах, род их не окончится.

– Царь, – окликнул его один из военачальников, – зачем на пиру говорить о смерти?

– Нет, нет! – Филипп отбросил со лба густые светлые кудри. – Я говорю о моем старшем брате, царе Александре. Ведь когда он начал царствовать, враги со всех сторон грозили ему. Иллирия ему грозила страшно. А у него не было сил защищаться. Что же ему было делать? Заключить договор о дружбе, откупиться. Вот тогда он меня и отдал в заложники иллирийцам. Но он же выплатил выкуп и вернул меня домой. А ваши отцы, богатые власти-тели Верхней Македонии, не хотели помочь ему!

Невнятный шум, невнятные протестующие речи послышались в ответ. Филипп их не понял и не расслышал.

– Вы скажете, что мой старший брат, царь Александр, вторично отдал меня в заложники? Да, отдал фивянам. А что же ему было делать? Ведь ему необходимо было установить, укрепить дружбу с Фивами, потому что вождь фиванский Эпаминонд, славнейший, непобедимый полководец, был нужен ему другом, а не врагом. Целых три года я жил в Фивах, в доме великого человека Эпаминонда. Там я стал настоящим эллином, там я понял, что такое Эллада, как высока ее культура, как велики ее поэты, философы, ваятели... Меня воспитали там, мне дали образование. И самое главное – меня научили воевать. Выпьем за великого полководца и философа, за сурового и благородного человека Эпаминонда!

Снова засверкало в чашах вино, снова зашумели голоса, и угаснувшее было веселье снова оживило пир. И никто не слышал, как застучали копыта коня перед шатром. И не сразу увидели, как новый гонец появился в шатре.

– Добрая весть тебе, царь!

– Откуда ты? – спросил Филипп. – Какую весть ты привез мне?

Гонец еле переводил дух:

– Я из Иллирии...

Филипп сразу отрезвел.

– Что там? Как мой Парменион?...

– Полководец Парменион жив и здоровствует. И поздравляет тебя с победой.

– С победой? Разбил иллирийцев?

– Иллирийцы покинули поле боя. Была большая битва. Много войска легло. Но мы разбили врага. Парменион кланяется тебе.

– Друг мой Парменион!.. Спасибо тебе. Слышите? Иллирийцы разбиты. Столько побед сразу: Потидея взята, кони мои победили в Олимпии. И теперь – иллирийцы разбиты!.. Дайте гонцу вина, наградите его! Отпразднуем и эту победу!

Но на этом необычайные известия еще не окончились. Примчался третий гонец, и тоже усталый, и тоже радостный.

– Я из Пеллы, царь! Из твоего дома. Царица Олимпиада велела сообщить, что у тебя родился сын.

– Сын! – закричал Филипп и со звоном обрушил на стол чашу. – Вы слышите? Сын! У меня – сын! – В глазах Филиппа блеснули счастливые слезы. – Вы слышите, македоняне? – Филипп встал и обвел взглядом своих приближенных. – Родился ваш будущий царь... Что еще велено передать мне?

– Еще велено передать, что сегодня на крыше твоего дома весь день сидели два орла.

– Два орла. Это хорошее предзнаменование. Я назову сына именем моего старшего брата – Александром. Родился будущий царь македонский – Александр. На коней! В Пеллу!

Копыта тяжелых лошадей загремели по каменистым горным дорогам. Всадники, уже без шлемов и панцирей, мчались в Пеллу, новую столицу – крепость македонских царей, стоявшую на реке Лудии, на широкой равнине, окруженной горами.

В Пелле предсказатели объявили Филиппу:

– Сын твой, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Все это случилось летом, в шестой день месяца гекатомбеона¹ по-эллински, а по-македонски – лоя, триста пятьдесят шестого года до нашей эры.

¹ *Гекатомбеон* – конец июня – июль.

Филипп и Олимпиада

Ребенка вынесла на руках кормилица, женщина из знатной македонской семьи, Ланика. Филипп, еще не умывшийся с дороги, пропахший железом брони и конским потом, приподнял легкое, расшитое золотом покрывало. Младенец, крепкий и весь розовый, спал, но, когда свет упал ему на лицо, открыл глаза.

Филипп широко улыбнулся, в груди стало тепло от нежности. Светлоглазый мальчик глядел на него, его сын, его Александр, такой же светлоглазый, как отец – эллин из Аргоса! И несколько не похожий на родню его матери, мрачных людей суровой страны Эпира.

Олимпиада, жена Филиппа, ждала мужа в дальних покоях гинекея. Еще больная, она лежала в постели на высоко взбитых подушках. Она сделала все, чтобы казаться красивой, – нарумянилась, насурьмила брови, мелкими локонами завила волосы. Положив сверх одеяла руки, отягченные золотыми браслетами, она лежала неподвижно, прислушиваясь к голосам, к шагам, к движению в доме.

За стеной приглушенно постукивали ткацкие станки, шелестели негромкие разговоры – это рабыни болтают за работой, знают, что Олимпиада не войдет к ним сейчас...

Со двора гинекея доносился детский смех. Это ее маленькая дочь Клеопатра играет с подружками – качаются на качелях или плещутся в теплой, согретой солнцем воде бассейна. Там же с ними и еще одна царская дочь, дочь Филиппа и флейтистки-иллирийки, одной из этих презренных женщин, которые приходят на пиры развлекать гостей. Кинана дика, угрюма, глаза – как горящие угли из-под черных бровей. Но воля Филиппа непреклонна. Кинана его дочь и должна воспитываться вместе с детьми Олимпиады. Олимпиада может только одно – не знать ее, не видеть, не замечать...

Веселые крики и смех детей, шум в ткацкой – все это раздражало. Ланика вышла с ребенком навстречу к Филиппу – Олимпиаде надо было услышать, как встретит ее Филипп.

Наконец ее чуткое ухо уловило знакомый, чуть охрипший голос царя. В черных глазах Олимпиады загорелись огни, будто факелы празднества. Она любила Филиппа с первой же их встречи, любила и тогда, когда он был нежен к ней, и теперь, когда в непонятном охлаждении он отстранился от нее. Или в походе. Или пирует со своими полководцами и этерами. Или принимает гостей: каких-нибудь эллинских ученых, актеров, поэтов... Филипп всегда занят, у него множество дел, и на все у него находится время. Только нет времени заглянуть к ней, в ее нарядный и такой печальный гинекей.

И все-таки Олимпиада ждала его. Может быть, нынче, когда родился сын, ледяное сердце Филиппа согреется и растает?

Но минуты протекали, а в гинекее по-прежнему стояла напряженная тишина. Не придет даже теперь навестить ее? Не придет и сегодня?

Нет! Этого не может быть! Этого не может быть! Только не надо терять терпение...

Как могло случиться, что она, прекрасная, гордая Олимпиада, лежит здесь одна, больная, беспомощная, а Филипп будто и забыл, что она есть на свете?...

– «... Гиэс-аттес! Аттес-гиэс!»² – Исступленные женские голоса, самозабвенно славящие богов среди черной хмельной ночи.

Олимпиада ясно слышит их сейчас. Память неотвратимо уносит ее в прошлое, в дни ее юности.

Она была тогда совсем девочкой, когда встретила Филиппа на празднествах в честь богов плодородия Кабириов.

² «Слава тебе, владыка! Слава тебе!» (гр.)

Эллины смеялись над этими сумрачными пузатыми Кабирами. Но фракийцы чтили их. Олимпиада, юная племянница эпирского царя Аррибы, страстно любила колдовские ночи таинственных мистерий. На острове Самофракия, где справлялись эти варварские торжества, она вместе с фракийскими девушками и женщинами, неистово размахивая факелом, бегала по горам и долинам. Под дикий вой тимпанов, под звон кимвалов и жесткий шум трещоток она выкрикивала славу богам, славу Сабазию – богу, передавшему им тайнства Диониса.

– Гиэс-аттес! Аттес-гиэс!

Во время торжественных шествий она носила священную корзину и тирс – жезл, украшенный плющом. Под листьями плюща – Олимпиаде показалось, что она и сейчас чувствует его горький, терпкий запах, – в ее корзине таились ручные змеи – горланы. Часто они выползали из корзины и обвивали тирс. И тогда Олимпиада в диком восторге пугала ими мужчин, которые приходили смотреть на священные шествия женщин.

В одну из таких черных жарких ночей религиозного исступления она встретила Филиппа, который тоже явился на празднества Кабириов. Красный свет факела внезапно озарил его юное светлоглазое лицо под густой зеленью праздничного венка.

Олимпиада бросилась было к нему со своей страшной змеей.

– Гиэс-аттес!

Но Филипп не заслонился, не убежал. Он улыбнулся, и Олимпиада, сразу смутившись, беспомощно опустила тирс...

Счастливое видение счастливых лет!

Олимпиада лежала в своем одиноком покое и ждала. Ждала, прислушиваясь, не загремят ли по звонким каменным плитам портика шаги ее веселого и грозного мужа.

В купальне зашумела вода. Это слуги готовят ванну царю.

Значит, он придет, когда смоет с себя походную пыль и грязь. Терпение. Терпение.

... Филипп тогда тоже не смог отказаться от нее. Не смог. Поклялся, что возьмет ее к себе в Македонию.

А пока, после окончания празднеств, ей надо было вернуться домой. Нагромождение суровых серых скал сумрачного Эпира, глубокие узкие долины, в которых рано угасает день, потому что горы заслоняют солнце. На вершинах почти всегда снег. В горах часто грохочет гром и блещут синие молнии. Бешеные ледяные ветры завывают в диких горных ущельях... Эпир, ее печальная родина...

Как тосковала юная Олимпиада, вернувшись из Самофракии! Будто проснулась после счастливой ночи, полной прекрасных сновидений.

Ни отца, ни матери не было у нее. Кому рассказать о своем счастье? С кем разделить свою тоску? Ее дяде и опеуну Аррибе важно только одно – выгодно выдать ее замуж.

Олимпиада подолгу сидела на склоне горы, откуда видна была большая дорога, идущая от Эгейского моря через их страну к Адриатике, – идущая оттуда, где лежит волшебная земля – Македония.

Шли путники, ведя на поводу навьюченных лошадей. Шли богомольцы к оракулу Зевса Додонского принести жертву и попросить совета. Олимпиада была там, видела это святилище, окруженное столетними дубами. Додонская долина так мрачна, а жрецы так суровы... Что радостного может предсказать этот оракул?

Прошло не слишком много времени. А Олимпиаде казалось, что прошло полжизни. Но вот наконец к царскому дому в Эпире приехали послы из Македонии просить ее в жены македонскому царю.

Арриба отказал. Филипп еще слишком молод, еще только-только вступил на царство. Пусть повзрослеет, оглядится в жизни. А Олимпиаде объявил, что не только молод, но и

беден, а его Македония – маленькая слабая страна и Арриба не видит никакого расчета отдавать туда племянницу.

Олимпиада чуть не умерла от горя. И умерла бы, не смогла бы вынести этого.

Но Филипп был не из тех, кто спокойно принимает отказ. Как он добился согласия Аррибы? Олимпиада тогда не знала – как. Теперь-то она знает. Кто в силах противиться, если Филипп захочет очаровать человека? Чего он не пообещает? Он может обещать все. И даже то, что не в его возможностях выполнить. И даже то, что и не собирается выполнять.

Как весело, как красиво праздновали их свадьбу!

Выше кровлю поднимите —
О Гименей!
Выше, выше, плотники, —
О Гименей!
Как Арес, жених идет, —
О Гименей!
Выше он всех самых рослых —
О Гименей!

Она, под густым покрывалом, сидела в роскошной колеснице рядом с Филиппом, почти не дыша от счастья. Целое шествие сопровождало их, когда Филипп вез ее из Эпира в свою Пеллу. Олимпиада и сейчас слышит веселые, звенящие голоса флейт и свадебной песни...

Все внезапно умолкло: в покои вошла кормилица с ребенком на руках. Олимпиада подняла ресницы, праздничные огни в ее глазах погасли. Она поняла: Филипп не придет.

Филипп старательно мылся в купальне, в ванне из обожженной глины. Горячая вода смывала все: и пот, и усталость, и кровь погибших под его мечом врагов, и его собственную кровь... Вода бурно плескалась из ванны на каменный пол и сбегала ручейком по желобу в подземную трубу, куда уходила вода со всех дворов обширного царского дома.

Чистая одежда обняла тело свежестью и прохладой. Филипп вышел из купальни. Усталости как не бывало. Переступив порог, он с наслаждением вдохнул текущий с гор запах леса, запах цветущей липы и разогретой солнцем смолистой сосны.

Справа, за колоннами портика, наполненного прямыми лучами солнца, виднелся продомос, вход в самый дальний, уединенный покой дворца – гинекей, комнаты его жены, дочерей и служанок. Там сейчас его светлоглазый сын. Захотелось еще раз взглянуть на него, потрогать его, увидеть его улыбку...

Надо пойти. К тому же и Олимпиада давно ждет его, он это знает. Да, он сейчас пойдет к ней, ведь она его жена, мать его сына.

Филипп решительно направился в гинекей. Но вошел в продомос, и шаг его замедлился, застыл.

Это не приснилось ему, нет, это видели его глаза, его собственные глаза. Он зашел как-то утром к своей жене, открыл дверь. Олимпиада спала. А рядом с ней, на ее широкой постели, лежала большая змея!

Филипп тогда тихо затворил покои и ушел. С тех пор он никак не мог подавить в себе отвращения к жене. Он был убежден, что жена его – колдунья.

Вот и сейчас он остановился, борясь с этим отвратительным воспоминанием.

– Нет, – наконец прошептал он, – клянусь Зевсом, я не могу ее видеть!

Он повернулся и крупным твердым шагом ушел на свою мужскую половину – в мегарон.

Здесь, в большом зале, уже дымился очаг, поднимая копоть к самому потолку. Пахло жареной бараниной, что-то подгорало. Слуги торопливо готовили обед. Филипп одобрительно окинул сверкнувшим взглядом накрытые столы, горы зелени и фруктов, чеканные чаши и кратеры, полные вина... Его друзья, этеры и полководцы, скоро соберутся сюда: Филипп не любил сидеть за столом в одиночестве. Он будет пировать и веселиться весь день и всю ночь. Столько дней и столько ночей, сколько захочет его душа.

А пока что его одолевали думы и заботы. Филипп вышел на широкий, мощный каменными плитами двор, окруженный службами, жилищами рабов, амбарами и кладовыми. Слуги пробегали с какими-то припасами из кладовых во дворец. Посреди двора, растянувшись на солнце, спали собаки...

Дворец стоял на самом высоком месте города. Отсюда видна была вся Пелла: узкие улицы, четко очерченные синевой тени, черепичные и камышовые крыши, залитые желтым светом горячего солнца, тихий, медленно текущий Лудий, осененный деревьями.

А вдаль, за городской стеной, широкая равнина и горы, замыкающие горизонт. И на горных уступах лес, богатый, полный птиц и зверей лес. Лес поднимается по склонам, спускается в долины и ущелья. Леса так много и такой он могучий, что персам во времена войны с Элладой приходилось прорубать просеки, чтобы войска могли перевалить через Македонские горы. Ель, клены, дубняк, ширококронные липы, орех, каштан, озаряющий долины факелами своих бело-розовых цветов... И главное – сосна, высокая, ровная, медноствольная, с густой вершиной, глядящей в небо. Афины и многие другие государства покупают у него сосну для постройки кораблей. Пусть покупают: Филиппу нужны деньги. Деньги ему нужны, потому что ему нужно сильное, хорошо вооруженное войско. Македонии необходимо получить доступ к морю. По всему берегу Эвксинского Понта расселились эллинские колонии; они вцепились в этот берег, всюду выросли их города: Аполлония, Мессембрия, Дионисополь... И дальше, по берегу Фракии, до самых скифских земель.

Деньги нужны Филиппу, потому что ему нужен также и флот. Он пробьет своими фалангами эту эллинскую прибрежную броню и выйдет к морю. По великому морскому пути пойдут его торговые суда, и длинные черные корабли встанут мощной защитой у берегов Македонии.

А кроме того, деньги нужны и на подкупы: для Филиппа все средства хороши, лишь бы добиться успеха.

«Все крепости могут быть взяты, – не раз, цинично усмехаясь, говорил Филипп, – в которые может вступить осел, нагруженный золотом!»

Но деньги будут. В недрах горы Пангей, которую он захватил, в ее окрестностях и по берегам реки Стримона обильно залегают золотые и серебряные руды. Настолько обильно, что землевладельцы своей деревянной сохой нередко выпаживают целые куски золота.

– Теперь я буду выпускать не только медные и серебряные деньги, – пробормотал Филипп, пряча в усах торжествующую усмешку, – но и золотые. Золотые «филиппики» – вот как будут называться мои деньги! Что-то скажут на это Афины?...

Варвар!

Филипп скрипнул зубами. Варвар! Так не говорят вслух, но так думают. Посмотрим, как-то назовут они Филиппа, когда он не добром, так силой вступит на афинскую землю и продиктует им свою волю!

А для этого опять-таки нужно войско, еще более могучее, чем теперь, еще крепче вооруженное, еще лучше обученное. Не просто войско, а войско завоевателя, не знающее ни снисхождения, ни пощады!

Но хватит забот. Столы накрыты, гости собрались. Музыкантов сюда, певцов, плясунов, актеров!

Переливчатые трели флейт, звон кифар, неистовые пьяные голоса, хохот, выкрики до утра сотрясали стены мегарона. Лишь на рассвете разбрелись по своим домам царские этеры. А кто не мог уйти, уснул здесь же, за столом. Были и такие, что свалились на каменный пол, приняв за восточный ковер цветную, красно-синюю мозаику около очага.

Кто такой Демосфен

Детство Александра проходило в тяжелой атмосфере семейного разлада.

Олимпиада любила сына со всем пылом своей яростной души. И мать, и кормилица старались сделать все, чтобы он был счастлив в их теплом женском окружении и чтобы он не очень тянулся к отцу.

Олимпиада рассказывала мальчику разные истории о победах македонских царей и царей эпирских. Особенно эпирских. Ее не очень заботило, все ли понимает Александр в этих рассказах. Ей доставляло какое-то горькое удовольствие повторять, что род царей эпирских из племени воинственных, всегда независимых молоссов³ нисколько не хуже и не ниже царей македонских.

– Македонские цари – и твой отец – происходят от Геракла. А мы, цари Эпира, – а через меня и ты тоже, – ведем свой род от Ахиллеса, сына Пелея. Ахиллес – великий герой, прославленный на все века.

Она могла без конца рассказывать о своих знаменитых предках. О том, как богоравный Ахиллес воевал под Троей, какие были на нем доспехи, какое копье было у него, какой щит... А мальчик не уставал слушать рассказы о войнах и битвах.

Филипп, занятый военными походами, обуйанный дерзкими замыслами покорить все соседние народы, редко бывал дома.

Но иногда перед светлоглазым мальчиком являлся бородатый человек, от которого крепко пахло потом и железом, громогласный, веселый, – его отец. Несмотря на ревнивое неудовольствие матери, Александр тянулся к нему, хватался за его кудрявую бороду, пытался вытащить из ножен кинжал, висевший у пояса...

Однажды Филипп вернулся из похода с черной повязкой, закрывавшей правый глаз. Трехлетний Александр с любопытством разглядывал его повязку, а потом захотел посмотреть на тот глаз, что скрыт под ней.

– А там нет глаза, – спокойно сказал отец, – выбило стрелой. Но что глаз? Я осадил большой город Мефону, понимаешь? Осадил и взял. Жители не хотели сдаваться, защищались. Вот и выбили мне глаз. Стрелой со стены. Однако я все-таки Мефону осадил и взял.

– Осадил и взял, – повторил мальчик.

– Да! Взял! – подтвердил отец. И добавил с жестокой усмешкой: – А за мой глаз я с ними сполна расплатился. Немало их там осталось лежать на земле.

– Ты их убивал?

– Убивал. А что же еще с ними делать, если они не сдаются?

Александр замолк, наморщив светлые бровки. Он старался освоить урок завоевателя: если не сдаются – убивай!

Филипп упорно и последовательно осаждал и захватывал города эллинских колоний. Закончив одну битву, он бросался в другую. Разграбив один город, он захватывал и грабил другой. Сила его росла, войско крепло, сокровищница наполнялась золотом.

И только с Афинами Филипп старался сохранить мир. Афины по-прежнему стояли перед ним со всей своей мощью, со своим спокойствием и презрением. Филипп ненавидел афинян, этих надменных людей.

И он любил их, любил с того самого времени, когда еще юношей жил у фиванцев. Сильны и могущественны были Фивы. Но Афины – это город мудрецов и поэтов, ваятелей и художников, город ораторов и ученых. Какой высокой славой он увенчан! И как хотел бы Филипп войти в этот город афинским гражданином, равным каждому из афинян!

³ *Молоссы* – эллинское племя в Эпире.

Правда, теперь они признали Филиппа эллином: он вынудил их к этому. Но признали лишь потому, что стали опасаться его военной силы. Все равно он для них варвар. Македонянин. Они даже над языком македонским смеются: «Что-то вроде эллинского, но какое грубое варварское наречие! И еще называют себя эллинами!»

Филипп сохранял с Афинами мир. Но никогда не оставлял мысли победить Афины. К этому он готовился исподтишка. Захватывая афинские колонии, всякими хитростями ссорил между собой их союзников, вносил разлад через своих тайных соглядатаев даже во внутренние дела Афин. Однако затевать открытую войну опасался: у афинян еще достаточно сильное войско и самый большой флот.

Поэтому пока лучше давать клятвы дружбы и верности, самой горячей дружбы и самой неизменной верности!

Но в Афинах уже поселилось беспокойство. Какая-то маленькая, незначительная Македония захватывает эллинские города один за другим, и эллины все время проигрывают битвы. Что происходит? Может быть, Афины уже потеряли и свою силу, и свое влияние? Может быть, Филиппа уже нельзя победить, нельзя остановить его наступление на их земли? Или и вправду его войска непобедимы?

В эти дни тревоги и дурных предчувствий пританы⁴ созвали Народное собрание, высший орган их демократической власти.

Народ собрался на Пниксе, на холме в юго-западном районе города, где почти всегда проходили народные собрания. Тяжелые стены из огромных камней полукругом охватывали Пникс. На каменных скамьях сидели афинские граждане, шумя, толкаясь, споря... Сегодня глашатаям не пришлось уговаривать их прийти на собрание или притаскивать насильно, охватывая толпу окрашенной киноварью⁵ веревкой, как нередко случалось в последнее время. Опасность стала угрожающей.

На высокую трибуну, с которой была видна дальняя синева моря, взошел афинский оратор Демосфен. В скромной одежде, с обнаженным правым плечом, как ходили тогда эллины, он встал перед народом, стараясь справиться со своим волнением. Ему нередко приходилось выступать на Пниксе, и все-таки он каждый раз мучительно волновался. Он знал, что некрасив, что его худые руки, напряженно сжатый тонкогубый рот, сдвинутые брови с глубокой морщиной между ними не производят на людей пленяющего впечатления, необходимого оратору. Бывало все: издевательства над его картавостью, свистки... Случалось, что его сгоняли с трибуны из-за слабости его голоса.

Все это преодолено. Однако отголосок страха перед неудачей таился в глубине души, и Демосфену каждый раз приходилось переживать трудное мгновение, прежде чем начать свою речь. Так было и сейчас. И толпа, чувствуя это, слегка зашумела.

– Граждане афинские!..

Мощный чистый голос прокатился над площадью. Площадь затихла. Речь Демосфена зазвучала над ней.

– Прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось!

Народ слушал с жадностью. Это было то, что он хотел услышать.

– Вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состояния, так как не сделали ничего, что было нужно. Вот если бы вы сделали все, что могли, и дела наши все-таки оказались бы в этом тяжелом положении, тогда и надежды на их улучшение не было бы.

⁴ *Пританы* – члены Совета пятисот, которые назначались поочередно заведовать текущими делами государства.

⁵ *Киноварь* – красная краска, получаемая из сернистой ртути.

Демосфен горько упрекал афинян в бездейственности по отношению к Филиппу, в том, что они, на горе себе, верят ему. Это было не очень приятно слушать. Но Демосфен не лишил их надежды справиться с македонской угрозой, и они слушали его затаив дыхание.

– Если же кто-нибудь из вас, граждане афинские, думает, что с Филиппом трудно вести войну, потому что силы его велики и потому что наше государство потеряло все укрепленные места, тот человек судит, конечно, правильно. Но все-таки пусть он примет в расчет то, что мы, граждане афинские, когда-то владели Пидной, Потидеей и Мефоной и всей этой областью с окрестностями. И пусть он вспомнит, что нынешние союзники Филиппа раньше предпочитали поддерживать дружественные отношения с нами, а не с ним. Если бы Филипп испугался и решил, что с афинянами воевать ему будет трудно – ведь у нас столько крепостей, угрожающих его стране! – если бы он заколебался тогда, то ничего не добился бы и не приобрел такой силы.

Демосфен говорил долго, но афиняне все так же внимательно и жадно слушали его. Его речь поднимала дух афинских граждан, а это было сейчас необходимо им.

– Не думайте же, в самом деле, что у него, как у бога, теперешнее положение упрочено навеки! Что же надо делать Афинам? Снарядить войско и положить конец разбоям Филиппа...

Филиппу очень скоро стало известно о выступлении Демосфена.

У македонского царя по всем окрестным странам были свои люди – «подслушиватели» и «подглядыватели». Вот и теперь один из них прибыл к нему из Афин и подробно рассказал, о чем говорил Демосфен.

Филипп усмехнулся:

– И он думает, что Афины станут воевать по его слову! Напрасно старается: афинян на войну не поднимешь. Они изнежены и ленивы, они привыкли к тому, что все труды несут за них рабы и наемники, а война – слишком тяжелый и опасный труд. Выступать на площади, щеголять красноречием – вот их занятие. Крыша еще не горит у них над головой! – И добавил про себя с угрозой: «Но уже тлеет!»

Александру было всего пять лет, когда Демосфен произнес свою первую речь против его отца.

– Кто такой этот Демосфен? – спросила Олимпиада у Ланики. – Еще один афинский крикун?

О Демосфене уже слышали во дворце, о нем говорили, над ним смеялись. Брат Ланики, Черный Клит, был одним из молодых этеров Филиппа, поэтому Ланика знала, кто такой Демосфен.

Демосфен, сын Демосфена, – из семьи богатых афинских граждан. У его отца был дом в городе и две мастерские – мебельная и оружейная, в которых работали рабы. Отец Демосфена был человек достойный уважения. Это признает даже его противник, оратор Эсхин. Но вот со стороны матери у Демосфена, как считалось тогда в Элладе, не все благополучно. Его дед Гилон был изгнан из Афин за измену. Он жил на берегу Понта Евксинского, там женился на скифянке. Так что мать Демосфена Клеобула была наполовину скифской крови. Потому-то Эсхин и называет его варваром, говорящим на эллинском языке.

Отец и мать Демосфена умерли рано, ему в то время было всего семь лет. Отец оставил ему и его сестре хорошее наследство. Но опекуны их богатство растратили.

В детстве Демосфен был таким слабым и болезненным, что даже не ходил тренироваться в палестру, как это делали все афинские мальчишки. За то над ним и смеялись, прозвали его Батталом – неженкой и зайкой. А Баттал – это был один флейтист из Эфеса. Он наряжался в женский наряд и выступал на сцене в женских ролях. Так вот Демосфена и прозвали Батталом за то, что он был изнеженный и слабый, как женщина.

В детстве ему удалось побывать на одном судебном процессе. К Демосфену был приставлен раб, который смотрел за ним. И он упросил этого раба отпустить его послушать знаменитого в то время афинского оратора. Раб отпустил его. И когда Демосфен послушал этого оратора, то уже забыть его не мог. С этих пор осталась у него неотступная мечта – научиться ораторскому искусству.

Когда Демосфен подрос, то пригласил к себе учителем опытного оратора Исса. А как только стал совершеннолетним, предъявил иск своим нечестным опекунам и сам выступил против них в суде. Судьи признали, что его требования законны и справедливы. И велели опекунам вернуть ему наследство.

Опекуны и не отказывались вернуть Демосфену его богатство. Но как вернешь, если все растрчено?

– Одно время, – рассказывала Ланика, – чтобы как-то прожить самому и сестре, Демосфен произносил судебные речи и этим зарабатывал. А нынче он стал политиком, вмешивается во все государственные дела Афин и пытается всем навязать свою волю.

– А не про него ли это говорили, что он картавый?

– Про него.

– Но как же он может произносить речи в Народном собрании? Такого оратора в Афинах никто не будет слушать, его тотчас прогонят!

– А его и прогоняли. Со свистом. Как начнет картавить – букву «р» не мог выговорить, – да еще как начнет дергать плечом, тут его и гонят долой с трибуны!

– Но почему же слушают теперь? Или только потому, что он выступает против Филиппа?

– Теперь он больше не картавит. Рассказывают, что он ходил по берегу моря и, набрав в рот камушков, декламировал стихи. Добивался, чтобы даже и с камнями во рту речь его была чистой. И так усиливал голос, что даже морской прибой не мог его заглушить. Потом произносил речи перед зеркалом, смотрел, красивы ли его жесты. А чтобы не дергать плечом – люди очень смеялись, когда он дергался на трибуне, – так он подвесил над плечом меч. Как дернется, так и уколется об острие!

Александр внимательно слушал рассказ Ланики, опершись локтями на ее колени.

– А Демосфен кто? – спросил он. – Демосфен – царь?

– Ну что ты! – засмеялась Ланика. – Какой там царь! Простой афинянин. Демократ.

– А кто такой демократ?

– Это человек, который думает, что все надо делать так, как хочет народ. А царей он ненавидит.

– И моего отца?

– А твоего отца ненавидит больше всех.

Маленький сын царя, нахмутив округлые брови, задумался. Он не очень уяснил себе, о каком народе идет речь и чего добивается Демосфен, научившись хорошо говорить.

Но что Демосфен ненавидит царей и ненавидит его отца, это он понял. И запомнил на всю жизнь.

Александр уходит в мегарон

Когда Александру исполнилось семь лет, его, по обычаю эллинов, увели от матери на мужскую половину дома.

Олимпиада была расстроена. Она расчесывала мальчику его тугие кудри, прихорашивала его. А сама все заглядывала в его большие светлые глаза – не блестят ли в них слезы, не таится ли печаль?

Но Александр не плакал, и печали в его глазах не было. Он нетерпеливо вырывался из рук матери, отмахивался от ее золотого гребня. Чтобы не расплакаться самой, Олимпиада пыталась шутить:

– Вот как ты собираешься в мегарон! Так же как Ахиллес, Пелеев сын, на бой собирался. Помнишь? От щита его свет достигал до эфира. А шлем сиял, как звезда. И волосы были золотые у него, как у тебя...

Но Александр, уже знавший наизусть всё об Ахиллесе, Пелеевом сыне, на этот раз не слушал, что говорит мать. И Олимпиада с горечью поняла, что ребенок уходит из ее рук и просто не может дожидаться той минуты, когда вступит, как взрослый мужчина, в отцовский мегарон.

За ним пришел Леонид, родственник Олимпиады. Она добилась, чтобы его взяли педагогом-воспитателем к сыну. Все-таки свой человек, через него Олимпиада будет знать, как живется в мегароне Александру.

– Прошу тебя, не мучьте его слишком в гимнасиях⁶, – сказала она Леониду, и тот взглянул на нее с удивлением – так зазвенел ее голос от сдерживаемых слез, – он еще маленький. Вот возьми корзинку, тут сладости. Давай ему, когда он захочет полакомиться.

– Не могу ничего этого сделать, – ответил Леонид, – мне сказано: никаких уступок, никаких поблажек.

– Но ты спрячь, будешь потихоньку давать!

– А разве я один буду около него? Целая толпа воспитателей-педагогов. В тот же миг донесут царю. Нет, я буду воспитывать его, как подобает эллину, – чем суровей, тем лучше.

– Ну идем же! – Александр схватил за руку Леонида и потянул его к выходу. – Идем же!

Ланика, не выдержав, отвернулась и в слезах закрыла лицо покрывалом. Мать проводила мальчика до порога. И потом долго стояла под ливнем солнечных лучей, падавших сквозь отверстие в потолке.

Александр, не оглянувшись, ушел со своим воспитателем. Они пересекли солнечный двор и скрылись в синем проеме дверей мегарона.

Олимпиада знала, что этот день наступит, она с тайной тоской ждала его. И вот этот день наступил. Филипп отнял у нее сына, как отнял свою любовь. Но не наступит ли и такой день, когда она за все рассчитается с Филиппом?

Мрачная, со сдвинутыми бровями, Олимпиада вернулась в гинекей. Комнаты показались ей слишком тихими и совсем пустыми.

Служанки и рабыни затрепетали, когда она вошла к ним. Суровый блеск ее глаз не сулил добра. Разговор, которым они скрашивали время за работой, замер на устах. Только звенящий шелест веретен и постукивание набивок ткацкого стана слышались в большом низком помещении, полном людей.

Олимпиада придирчиво присматривалась к работам.

⁶ Гимнасий – место для гимнастических занятий.

– Это что – нитка или веревка у тебя на веретене?... А у тебя почему столько узлов? Что будет из такой пряжи – сукно или дерюга? Клянусь Герой, я была все время к вам чересчур добра!

Пощечина налево, пощечина направо, пинок, рывок... Олимпиада срывала свое горе на служанках, как могла. Приказав отхлестать розгами молодую рабыню, которая показалась ей слишком заносчивой, Олимпиада немного успокоилась. Она позвала дочерей, игравших в мяч во дворе, и велела сесть за пряжу. Какими же хозяйками они будут в свое время и как могут спросить работу со своих рабынь, если сами ничему не научатся?

Вернувшись в спальню, Олимпиада уселась за пяльцы и принялась вышивать черную кайму на розовом пеплосе⁷. Теперь ее жизнь, ее заботы, ее мечты только в одном: давать работу служанкам, следить, чтобы они хорошенько ее выполняли, да и самой сесть за стан и выткать для мужа шерстяной плащ или, как сейчас, заняться своим нарядом, который уже никого не радует...

А мальчик, заполнявший собой все ее дни и ночи, ушел к отцу.

Александр и раньше не раз прибегал в мегарон. Но отец не хотел, чтобы мальчик видел его пьяные пиры, и приказывал тотчас увести ребенка обратно.

Теперь Александр вошел сюда по праву. Он шел, выпрямив спину, чтобы казаться повыше. Замедлял шаг, разглядывая грубые, покрытые копотью росписи на стенах. Подзывал собак, которые, войдя со двора, свободно бродили по залу в поисках какой-нибудь еды – после пира под столом всегда можно было найти хорошую кость или недоеденный кусок.

В мегароне Александра ждали педагоги-воспитатели, обязанные смотреть за ним, обучать правилам поведения, тренировать его в гимназиях. Каждый из них приветствовал Александра, каждый хотел понравиться ему. Особенно старался акарнанец Лисимах.

– Какой красавчик! Да какой крепкий! Ахиллес, да и только. Скоро, пожалуй, отправится в поход с отцом. Но если ты, Александр, Ахиллес, то я – твой старый Феникс. Ведь я так же приставлен к тебе – учить тебя и воспитывать. Знаешь, как великий Гомер написал в «Илиаде»?

... Там и тебя воспитал я таким, о бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил; и с другими никогда не хотел ты
Ни на пирушку пойти, ни откусать чего-нибудь дома,
Прежде чем я, на колени к себе посадив, не нарежу
Мяса тебе на кусочки и кубка к губам не приставлю!⁸

Так и я, как Феникс, готов служить моему богоравному Ахиллесу!

Другие воспитатели тоже хвалили Александра, стараясь незаметно утвердить свое влияние. Но никто не был так ловок в похвалах, как этот акарнанец, который, хотя и был грубым невеждой во всех остальных науках, знал Гомера и ловко играл на этом.

Александр все это льстило. Но он слушал их с невозмутимым лицом и с горделивой осанкой. Он сын царя. Его восхваляют, но это так и должно быть.

– Здравствуй! – сказал ему отец, только что проснувшийся после вчерашнего обильного вином ужина. – От Филиппа, царя македонского, Александру привет!

У мальчика заблестели глаза от восторга.

– Царю македонскому Филиппу от Александра привет! – живо ответил он.

Он весь вспыхнул, так что и лицо, и шея, и грудь его покраснели. Белокожий, он краснел мгновенно, будто охваченный огнем.

⁷ Пеплос – большой прямоугольный кусок материи, покрывало.

⁸ Гомер. «Илиада». Перевод В. Вересаева.

– Вот ты и мужчина. Учись бегать, плавать, стрелять из лука, метать диск, бросать копье. Делай все, что скажут педагоги. Клянусь Зевсом, мне нужен крепкий, сильный сын, а не какой-нибудь неженка!

И, обернувшись к Леониду, Филипп грозно напомнил:

– Никаких поблажек! Никаких уступок!

– А мне и не надо поблажек! – обидевшись, запальчиво сказал Александр. – Я сам пойду в гимнасий. Вот сейчас и пойду!

Филипп заглянул в светлые бесстрашные глаза сына и усмехнулся.

– Не сердись, – сказал он, – меня самого так учили. Так вот учил меня благородный Эпаминонд – без поблажек. Поэтому я теперь не знаю усталости в битвах, выношу самые тяжелые лишения в походах, бью врага сариссой⁹ – и рука моя не слабеет, могу скакать на коне день и ночь без отдыха, а когда нужно – внезапно явиться перед неприятелем и разбить его с ходу!

– Я тоже буду скакать на коне и бить с ходу!

– Будешь. Потому что тебе придется сохранить все, что я теперь завоюю.

– Я все сохраню. И завоюю еще больше! Я буду как Ахиллес!

По лицу Филиппа прошла тень. Олимпиада! Это ее рассказы!

– Не забывай, что македонские цари пришли из Аргоса, из страны Геракла, – сказал он, – и что сам ты потомок Геракла. Никогда не забывай об этом! Никогда!

Александр, пристально поглядев на отца, молча кивнул головой. Он понял.

Началась новая жизнь – среди мужчин, среди мужских разговоров и рассказов о минувших сражениях, о захваченных городах и о городах, которые следовало захватить...

Ни поблажек, ни уступок Александру не понадобилось. Крепкий, ловкий, азартный, он с наслаждением тренировался в палестре, бегал и прыгал, метал дротик, учился натягивать лук, который сделал Леонид ему по силам. Едва доставая до уздечки, он уже лез на лошадь, падал, сильно ушибался и только кряхтел от боли. Он раньше всех своих сверстников научился ездить на лошади. Самого еле видно из-за конской гривы, а скачет так, что педагоги чуть не падают от страха.

Если случайно кто-нибудь называл Александра ребенком, кровь бросалась ему в лицо. Не помня себя, он налетал на обидчика с кулаками, не задумываясь, справится с ним или получит хорошую сдачу. И случалось, что сдачу он получал. Но тогда распалялся еще больше, и остановить его было невозможно.

Педагоги не могли сладить с ним. Вспыльчивый, упрямый, Александр все делал как хотел, как находил нужным. И лишь тогда мог отказаться от задуманного, если ему умели объяснить, что задуманное им – плохо.

Скоро все окружающие уже знали, что с Александром можно ладить только разумными доводами, но не строгостью, не приказом.

Знал это и отец. Поглядывая на его синяки и царапины, Филипп усмехался себе в усы:

«Александр, будущий царь македонский! Эх, еще такие ли синяки придется тебе получать в жизни!»

В то время Филипп и Александр хорошо ладили друг с другом.

Но отец, как всегда, недолго гостил дома. И года не прошло, как снова по улицам Пеллы засверкали шлемы военных отрядов и лес копий тронулся к городским воротам. Снова за стенами города загрохотали осадные башни и тараны с медным бараньим лбом. Снова в широком царском дворе заржали и застучали копытами тяжелые боевые кони...

⁹ *Сарисса* – длинное тяжелое копье.

Александр стоял, прижавшись к теплой колонне портика, и смотрел, как садятся на коней этеры, друзья и полководцы, ближайšie соратники царя. Мужественные, загорелые в походах, привычные к непрерывным сражениям, разбоям и грабежам, они собирались на войну, как в обычный путь, спокойно и деловито проверяли вооружение, оправляли на конях попоны; ни седел, ни стремян всадники в те времена не знали.

Филипп прошел мимо, большой, широкоплечий. Ему подвели его рыжего коня под синей расшитой попоной. Филипп с привычной ловкостью вскочил на коня, который храпел и задира л г ривастую голову. Филипп натянул узду, и конь сразу смирился.

Александр не спускал глаз со своего отца. Он ждал, что отец заметит его.

Но Филипп был уже чужим, суровым и грозным. Взгляд его под сдвинутыми бровями был устремлен куда-то далеко, в такую даль, которую еще было не постичь Александру.

Широкие ворота, хрипло заскрипев на петлях, отворились. Филипп выехал первым. За ним следом, будто сверкающий поток, устремились этеры. Все меньше и меньше их во дворе. А вот уж и нет никого, и ворота, прохрипев, закрылись. Сразу наступила тишина, только деревья чуть слышно шумели над крышей, роняя на прохладные камни первые желтые листья наступающей осени.

— Где мой Ахиллес? Твой Феникс ищет тебя!

Александр с досадой отпихнул кулаком Лисимаха. Молча, сжав дрожащие губы, он направился в палестру. Там играли в мяч его сверстники, дети знатных македонян. Высокий, стройный мальчик Гефестион тотчас подбежал к нему:

— Будешь играть с нами?

Александр проглотил слезы.

— Конечно, — ответил он.

Первая Олинфская

На фракийском берегу стоял большой греческий город Олинф.

Олинф много воевал. В давние времена воевал с Афинами, хотя жители, населявшие его, были родом из Халкиды, афинской колонии. Воевал со Спартой.

Теперь Олинф был сильным и богатым городом. Он стоял во главе тридцати двух родственных ему городов, расположившихся на побережье Эвксинского Понта.

С Филиппом олинфяне заключили союз. И не было у них более верного, более доброжелательного союзника, чем царь македонский. Филипп помогал им в войне против Афин. Город Анфемунт, из-за которого вечно спорили Олинф и Македония, Филипп отдал Олинфу. Отдал он олинфянам и Потидею, которую с большим боем отнял у Афин. Уж так-то он любил Олинф, так дорожил его дружбой!

Но прошло не очень много лет, и олинфяне, оглянувшись, вдруг увидели, что вся область, окружающая их город, как-то незаметно, понемногу захвачена Филиппом.

Теперь в Олинфе встревожились. Слишком сильным становится македонянин. Он их союзник, он дарит им города... Но не потому ли он все это делает, что боится, как бы Олинф не вмешался в его разбойные дела?

Сколько правителей уверял он в своей дружбе, а потом беспощадно разорял их земли! Разве не обманул он афинян, когда клятвенно обещал завоевать для них Амфиполь? Крупный город возле самого устья большой реки Стримона, важный пункт в торговле с городами Понта Эвксинского, город-порт всего фракийского побережья, богатый рудниками, виноградниками, оливами...

Афиняне поверили Филиппу. Но как же они не поняли, что Амфиполь нужен ему самому? Они согласились: пусть Филипп завоюет для них этот город. Филипп взял его приступом – и оставил себе! Теперь Амфиполь – его важнейшая стратегическая база, крепость, открывшая ему весь берег Фракии. А для чего Филипп заверил Афины, что воюет для них? Да затем, чтобы они ему не мешали!

Может быть, этот коварный человек и олинфян успокаивает сладкими речами, чтобы вернее их обмануть и потом захватить?

Воистину замыслы Филиппа разгадать невозможно.

– Мы не перейдем моста, пока не подойдем к нему! – вот его обычный ответ и друзьям и врагам. А что он хочет сказать этим, известно только ему одному.

Подозрения вскоре перешли в уверенность и вражду. А Филипп, с его обольщающими речами, был далеко и ничего не знал. Он в это время воевал в Фессалии и успешно захватывал там города один за другим: Феры, Пагасы, Магнесию, локрийский город Nikeю...

Горы стояли в желтых и багряных одеждах осени. Но в долине, где расположился военный лагерь Филиппа, еще зеленела трава. Суровое серое небо висело над головой, приглушая своим холодным светом краски осенней листвы.

Войско Филиппа, отягощенное награбленным богатством, отдыхало у костров. Филипп уже отпраздновал победу обильными и шумными пирами. И теперь, трезвый и деловитый, он сидел в шатре со своими полководцами и обсуждал дальнейшие планы военных действий. Филипп не собирался отдыхать, ему было некогда отдыхать – еще столько предстояло больших и трудных дел!

Теперь пришла пора брать Олинф. Часть войск уже отправилась в том направлении. Филипп приказал вести себя тихо и, не доходя до Олинфа, чтобы там никто не догадался о замыслах Филиппа, ждать его. Нагрянуть надо неожиданно. Неожиданность всегда половина победы.

– Ты уверен, царь, что им неизвестны твои намерения? – спросил один из полководцев.

– Если бы это было так, нас известили бы. Там ведь тоже есть разумные люди, которые понимают, что Олинфу гораздо выгоднее быть с Филиппом в союзе, чем во вражде.

В это время в шатер вошел гонец. Все обернулись к нему.

– Царь! – сказал он. – Олинф изменил тебе.

Филипп сверкнул своим единственным глазом.

– Как?

– Олинфяне почувствовали опасность. Не доверяют тебе. Отправили послов в Афины просить помощи.

– Вот что?... – зловещим голосом сказал Филипп. – Значит, они договор со мной нарушили? Тем хуже для них. – И вдруг весело улыбнулся. – И тем лучше для нас. Теперь уже они не смогут вопить, что Филипп – вероломный союзник. Я не нарушал договора. Нарушили они – значит, мы вправе вступить с ними в войну! Теперь остается одно – в поход на Олинф немедленно!

И снова, подняв сариссы, двинулись македонские фаланги Филиппа. Снова загудела земля под копытами могучей конницы, загрохотали колесами деревянные сооружения с таранами и баллистами-самострелами, которые могли метать во вражеский лагерь камни и дротики, стрелы зажигательные и простые.

А в это время в Афинах, на Пниксе, опять выступал Демосфен против Филиппа, страстно призывая афинян помочь Олинфу.

Вскоре из Афин к Филиппу явился лазутчик, присланный его сторонниками. Этот человек привез ему свиток, на котором почти слово в слово была записана речь Демосфена – его Первая Олинфская.

– Читай.

– «Большие, я думаю, деньги дали бы вы, граждане афинские, за то, чтобы знать, какими мерами помочь государству в том деле, которое вы сейчас обсуждаете...»

– Дальше, дальше, – прервал Филипп, – самую суть. Об Олинфе.

– Так. Сейчас. Вот. «... Мое, по крайней мере, мнение таково, что решить вопрос о помощи Олинфу надо сейчас же и что надо как можно скорее послать эту помощь...»

– Ага. Ну-ну, посылай. Дальше.

– «... Затем надо снаряжать посольство, которое должно быть на месте событий. Ведь бояться приходится главным образом того, чтобы этот человек...»

– Этот человек – царь македонский. Вот кто этот человек. Дальше.

– «... чтобы этот человек, способный на все и умеющий пользоваться обстоятельствами, чтобы он не повернул дело в свою пользу...»

– Какой грубый язык!

– «... Ведь для олинфян ясно, что сейчас они ведут войну не ради славы и не из-за участка земли, а ради того, чтобы спасти отечество от уничтожения и рабства, и они знают, как он поступил с теми из граждан Амфиполя, которые предали свой город...»

– Знают, конечно. Я убил их первыми. Если они могли предать своих сограждан, то разве не предали бы меня?

– «... И с гражданами Пидны, впустившими его к себе...»

– С ними я поступил так же, клянусь Зевсом! Как бы я верил потом им, предавшим свой родной город?

– «... Если мы, граждане афинские, оставим без поддержки и этих людей и в таком случае он овладеет Олинфом, тогда что же еще будет мешать ему идти туда, куда хочет? Пускай кто-нибудь ответит мне...»

– Я сам отвечу: никто!

– «... Учитывает ли кто-нибудь из вас, граждане афинские, и представляет ли себе, каким образом сделался сильным Филипп, хотя был первоначально слабым? А вот как: сначала взял он Амфиполь, потом Пидну, позднее еще Мефону...»

– Под Мефоной мне выбили глаз. Не дешево заплатил, клянусь Зевсом!

– «... Наконец вступил в Фессалию. После этого в Ферах, в Пагасах, в Магнесии – словом, всюду он устроил так, как ему хотелось, и тогда удалился во Фракию».

– Все припомнил!

– «После этого он заболел. Едва оправившись от болезни, он опять-таки не предался беспечности, но тотчас сделал попытку подчинить олинфян...»

– А как же! У меня нет лишнего времени.

– «... Скажите, ради богов, кто же среди нас настолько простодушен, кто же не понимает того, что война, происходящая сейчас там, перекинется сюда, если мы не примем своих мер?...»

– Клянусь богами, он прав. Но красноречие его впустую. У афинян все тяготы несут рабы. Только на рабов они и полагаются, и это их погубит.

Однако Филипп ошибся, говоря, что афинян речами воевать не заставишь. Речь Демосфена была так горяча и взволнованна, что убедила Народное собрание. Афиняне вскоре снарядили помощь Олинфу. Они послали олинфянам тридцать триер¹⁰ с двумя тысячами наемного войска во главе с полководцем Харетом.

Война под Олинфом разгоралась. Уже осыпались листья, устилая долины, в горах гудели осенние ветры, начались дожди.

«Наступит зима, и война кончится, – думали олинфяне, – за зиму мы окрепнем, соберем новое войско. Зимой никто не воюет!»

Надежды их были напрасными. Никто в Элладе не воевал зимой. Но Филиппу зима не была помехой. Его закаленное войско могло выдержать любые трудности и лишения.

Увидев, что македоняне не собираются уходить от стен города, олинфяне еще раз отправили послов в Афины с мольбой о помощи.

¹⁰ *Триэра* – военный корабль с тремя рядами весел.

Конец Олинфа

Прохладный ветер проносился по Пниксу, принося с гор высохшие, гремящие, как железо, колючие ветки бурьяна. Афиняне кутались в плащи. А на трибуне опять стоял Демосфен, взывая о помощи Олинфу. Шум ветра не мешал ему. Встревоженные афиняне, нахмурились, слушали его. Возмущение Демосфена и его ненависть к Филиппу передавались им, волновали их.

– ... Какого же времени и каких еще условий дожидаетесь вы, граждане афинские, более благоприятных, чем теперешние? И когда вы станете исполнять то, что нужно, если не сейчас? Разве не все наши укрепленные места занял уже этот человек? А если он завладеет и этой страной, разве это не будет для нас величайшим позором? Разве не воюют сейчас те самые люди, которых мы с такой готовностью обещали спасти, если они начнут войну? Разве он не враг? Разве не владеет нашим достоянием? Разве не варвар?...

И эта речь сделала то, что афиняне снова откликнулись на мольбу олинфян. Афины снарядили еще восемнадцать кораблей, послали под командой военачальника Харидема четыре тысячи наемников и сто пятьдесят афинских всадников.

Войска афинян помогли приостановить победное шествие Филиппа.

Все резче и холоднее становились ветры. Ночью замерзала вода. Олинфяне еще надеялись, что зима напугает македонян.

Но македоняне не отступали. Жаркие костры горели по ночам, и чем холоднее становилось, чем сильнее поливали землю осенние дожди, тем выше было пламя этих зловещих, рыжих, с черным дымом костров. И снова сражения. И снова защитники Олинфа разбиты. И снова упорно и неотступно продвигается македонянин к Олинфу, покоря лежащие на пути города. Вот уже взял он большой город Торону. Вот уже захватил Мелиберну – порт Олинфа.

И в третий раз за эту осень выступил Демосфен на Пниксе против Филиппа – это была его Третья Олинфская речь, полная страсти, ненависти и почти отчаяния, полная упреков афинянам за их бездействие. Но Харидем слал им хвастливые донесения, и афиняне решили, что победа над Филиппом уже обеспечена.

Зима проходила в боях, в трудных переходах, в нелегкой осаде городов, в победах, в темной радости грабежей, в дыму разоренных жилищ, в ликующих кликах победителей, в проклятиях побежденных...

Олинф доставался трудно. Филипп свирепел. Он тяжело заболел, чуть не умер; враги уже торжествовали, радуясь его смерти. Но могучий организм выдержал жестокие страдания. Филипп поднялся и снова продолжал поход.

Зима была суровой. Пронизывающие до костей дожди со снегом, бури, сырые ветры, несущие тяжкую простуду и болезни. Но никто не жаловался в войсках Филиппа. А дома, в Македонии, в жару и в непогоду со стадами в горах легче ли? Может, и легче – там не убивают. Но ведь там и не разбогатеешь, разграбив завоеванный город, и славы не добудешь!

Уже много дорог пройдено, много взято городов. Вот уже и солнце потеплело, и горы снова оделись нежным туманом зелени.

Филипп скорым маршем вел свое войско. На похудевшем, осунувшемся лице с жестким очертанием рта, с глубокой морщиной на лбу отпечаталось выражение твердой решимости.

Уже ничто не могло остановить македонянина, и никто не мог остановить его. По талой, кое-где подсохшей и зазеленевшей посевами земле войска Филиппа подошли к Олинфу. Не дойдя до города, в сорока стадиях¹¹ от него, Филипп раскинул свой лагерь.

¹¹ Стадия – 184,98 м.

И тут он объявил олинфянам жестокий ультиматум:

– Либо вам не жить в Олинфе, либо мне не жить в Македонии.

Афины с трудом и промедлениями собрали наконец новую армию. Военачальник Харет вел семнадцать кораблей, на которых было две тысячи афинских гоплитов и триста всадников.

Пока они собирались, прошло лето и снова наступила осень. Черные афинские корабли качались на зеленых волнах Эгейского моря, пробираясь к Олинфу. Они изо всех сил боролись с противным ветром. Осенью в этих местах дуют пассаты, и плыть на парусах им навстречу очень трудно.

А когда афинские триеры, измученные морем и ветрами, наконец подошли к олинфскому берегу, Олинф лежал в развалинах и в кровавом дыму пожарищ.

Филипп без всякой пощады расправился с Олинфом. Город разрушил и сровнял с землей. Уцелевших жителей кого отправил в царские рудники на каторжные работы, кого продал в рабство или погнал на поселение в глубь Македонии. Лишь немногим удалось бежать и укрыться в эллинских городах.

Землю городских кварталов Олинфа Филипп роздал знатым македонянам. Олинфскую конницу он взял к себе, в свою царскую конницу этеров.

Остальные города, десять городов Халкидского союза, Филипп принял в состав Македонской державы.

Это случилось в 348 году до нашей эры, когда Александру исполнилось восемь лет. Услышав о новой победе отца, он, грустный и сумрачный, пришел к своим товарищам.

– Клянусь Зевсом, – с досадой сказал он, – отец успеет завоевать все, и мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого!

Персидские послы

Однажды в Македонию прибыли послы персидского царя.

Вся Пелла вышла смотреть на них. Персы важно сидели на конях, на расшитых золотом пополах, сверкая драгоценным оружием, ослепляя роскошью длинных одежд – красных, зеленых, синих... Все в этих людях было необычно для македонян, все удивляло: и бронзово-смуглые лица, и красные от хны, мелко завитые бороды, и пугающие нездешней чернотой глаза...

В царском дворце наступило смятение. Приехали послы, а кто же примет их? Царя нет, царь, как почти всегда, в походе...

– Но разве меня тоже нет дома? – высокомерно спросил Александр и объявил: – Послов приму я.

Послы вымылись с дороги, отдохнули. И когда они были готовы к разговору, Александр, одетый в свое самое богатое платье, принял их со всем достоинством царского сына.

Немолодые люди, придворные и советники персидского царя переглядывались, пряча улыбку. О чем же будет говорить с ними этот маленький царский сын? Конечно, будет какой-нибудь детский лепет. Ну что ж, в ожидании настоящего разговора с Филиппом можно послушать и детскую болтовню.

**– Наша страна очень велика, – ответил краснобородый
старый перс, возглавлявший посольство.**

Александр сидел в отцовском кресле, ноги его не доставали до пола. Но он был спокоен и по-царски приветлив – белокурый, светлоглазый, весь розовый от скрытого волнения. Большие, громоздко наряженные смуглые люди с улыбкой в таинственных черных глазах молча ждали, что он им скажет.

– Я хочу все знать о вашей стране, – сказал Александр, чуть нахмутив округлые светлые брови. – Велика ли ваша страна?

Послы переглянулись. Что ж, мальчик задает серьезный вопрос – значит, и отвечать надо серьезно.

– Наша страна очень велика, – ответил краснобородый старый перс, возглавлявший посольство. – Наше царство простирается от Египта до Тавра и от Средиземного моря до океана, омывающего всю землю. Под могущественной рукой нашего великого царя много стран и народов, не сосчитать городов. Даже эллинские города, которые стоят на азиатском берегу, – Милет, Эфесс и все другие эллинские колонии, – платят нашему великому царю дань.

– А хороши ли дороги в вашей стране? Если ваше царство такое большое, то и дороги должны быть длинными? Есть ли у вас такие длинные дороги, чтобы проехать по всей стране?

– У нас есть хорошая дорога – торговая дорога через Лидию до самой Индии. По ней купцы возят товары.

– А какой ваш главный город, где живет ваш царь?

– У нашего великого царя три столицы. Летом он живет в Экбатанах. Там кругом горы, прохладно. Потом он переезжает в Персеполь – этот город двести лет тому назад основал наш великий царь Кир. Потом наш великий царь уезжает в Вавилон – там он живет подолгу. Город очень богатый, веселый, красивый. Когда-то наш великий царь Кир покорил его и отнял у вавилонян.

– А как, по каким дорогам проехать в столицу вашего царя в Экбатыны? Можно на конях? Или надо на верблюдах? Я слышал, что у вас есть верблюды.

– Если царь македонский пожелает приехать в гости к нашему великому царю, то он может проехать на коне. Дорога эта прямая и широкая. Повсюду вдоль дороги – царские стоянки, прекрасные маленькие дворцы, где есть все для отдыха: и бассейны, и спальни, и залы для пира. Дорога проходит по населенной стране и совершенно безопасна.

– А ваш царь – каков он на войне? Очень смелый?

– Разве несмелые цари могли бы завладеть такой огромной державой?

– А войско у вас большое? А как вы сражаетесь? У вас тоже фаланги? И баллисты есть? И тараны?

Персы несколько смутились. Маленький сын царя македонского завел их в тупик. Сами не понимая как, они оказались чуть ли не в положении доносчиков о своем собственном государстве.

Старый перс ответил на это неопределенно и уклончиво. Речь его замедлилась, он тщательно подбирал слова, и не понять было – будто правду он говорит, а будто и нет. Речи льстивые, а смысл?...

Они, персы, очень уважают царя македонского. Но когда-то и цари македонские служили персидским царям. Можно бы многое рассказать Александру о том, как служил пер-

сидскому царю Ксерксу македонский царь Александр, его предок, как проходили персидские войска по Македонии, все опустошая на своем пути: города, деревни, запасы хлеба и воды, которой даже в реках им часто не хватало – реки выпивали досуха. Но осторожнее! Тут сидит перед ними не такой ребенок, перед которым можно высказываться не стесняясь. Его отец – царь Филипп становится крупной фигурой, и с ним приходится считаться. А маленький Александр уже и теперь казался персу опасным.

– Филипп, без сомнения, заслуженно прославленный полководец, – говорили послы между собой, когда Александр оставил их, – но сын его, если уж с этих лет задает такие вопросы, словно заранее прикидывает, как завоевать наше царство, – что же из него будет, когда он вырастет и станет царем?

Александр пришел к матери чем-то смущенный. Олимпиада, сияющая, гордая сыном, встретила его горячим объятием.

– Мой Александр! Мой будущий царь!

Александр, все так же хмурясь, высвободился из ее рук.

– Ты знаешь, что мне сказал перс?

– Он обидел тебя?

– Нет. Но он сказал, что когда-то царь македонский Александр служил персам. Разве это правда?

– Это и правда и неправда, – задумчиво ответила Олимпиада. – Персы заставили подчиниться. Их было здесь столько, что не сосчитать. Как же могла Македония противостоять им? Ведь персы даже Афины разорили и сожгли. Но царь Александр только делал вид, что служит им, – если нет силы сбросить врага со своей шеи, приходится хитрить, как часто делает и твой отец. А на самом деле царь Александр, как мог, помогал эллинам. Я знаю про него одну историю, когда-то твой отец рассказал мне ее.

Александр устроился поудобнее и, глядя прямо в глаза матери, приготовился слушать.

– Это было в ту ночь, когда афиняне собирались сражаться с персами около города Платеи. Персами командовал Мардоний, очень храбрый полководец и очень жестокий человек. Царь Александр был в его лагере как покоренный союзник. И получилось так, что Александр со своим войском пришел заодно с персами разорять эллинов. Что было ему делать, как поступить, если персы принуждают его сражаться против Афин?

– Я убил бы Мардония!

– Его охраняла большая свита. И какой смысл? Ты убил бы Мардония, а Ксеркс поставил бы на его место другого военачальника. Можно было только погибнуть и ничем не помочь своим. Александр поступил по-другому. Он узнал, что Мардоний наутро собирается начать бой. Мардоний хотел напасть на них на рассвете. Надо было предупредить афинян, чтобы персы не застали их врасплох. И вот ночью, когда весь лагерь уснул, Александр потихоньку сел на коня и помчался к афинянам.

– А если бы его увидели?

– Поймали бы и убили. И убили бы всех македонян. Так вот, когда он прискакал туда, афиняне тоже спали. Но он сказал страже:

«Александр, вождь и царь македонский, желает говорить с военачальниками».

Стража по его царскому вооружению, по его одежде увидела, что это действительно царь, и побежала будить своих вождей. Вожди пришли.

И когда они остались одни, Александр сказал: «Весть эту я вверяю вам, граждане афинские, с просьбой сохранить ее в тайне, чтобы вы не погубили меня. Я бы не сообщал ее, если бы столь сильно не заботила меня судьба Эллады; ведь сам я издревле эллин по происхождению и не хотел бы видеть Элладу поработенной. У Мардония решено с рассветом

начать бой, потому что он страшится, что вы соберетесь еще в большем числе. Готовьтесь к этому. Если же Мардоний отложит битву, то вы держитесь и не отступайте, потому что у них остается припасов лишь на несколько дней. Если война кончится так, как вы хотите, вы должны вспомнить обо мне и о моем освобождении, потому что я ради эллинов решился на столь опасное дело. Я Александр, царь македонский.»

Так он сказал афинянам все это и ускакал обратно. И занял свой пост у персов, будто никуда и не уезжал. Вот как царь Александр «служил» персам!

– Значит, он служил афинянам?

– Да. Служил афинянам.

– А когда началось сражение, против кого он сражался – против персов?

– Нет. Все-таки против афинян.

Александр задумался, наморщив лоб.

– Тогда чей же он был союзник? Персов или эллинов?

Олимпиада вздохнула:

– Когда у тебя маленькая страна и слабое войско, приходится служить и тем и другим...

А по-настоящему-то он служил только своей Македонии.

– Значит, он был двуличным человеком! – сердито сказал Александр. – Он был перебежчиком.

– Можно сказать и так. Но зато он сохранил царство!

– Но все-таки он воевал и против своих, против эллинов! Нет, я так поступать не буду.

Раздоры в Элладе

Эллинские государства непрестанно воевали между собой. Фивы, возвысившиеся при Эпаминонде, победили Спарту и Фокиду. И Спарта и Фокида претерпели много несчастий, земли их были разграблены, войска разбиты.

Но победившим их Фивам этого показалось мало. На собрании совета представителей эллинских государств – амфиктионов¹² – Фивы предъявили обвинение Спарте в том, что они во время перемирия заняли фиванскую крепость Кадмею, – это было в 382 году. А фокидянам – что они во время войны опустошили Беотию, принадлежащую Фивам.

Решение выносили победители, и обвиняемых присудили к такому большому штрафу, который уплатить они были не в силах.

Фокидянам было присуждено отдать за неуплату штрафа свою землю Дельфийскому храму: земли Фокиды и Дельфийского святилища лежали рядом. Фокидяне лишились всего – у них не стало родины.

Тогда фокидяне разграбили храм Аполлона, где хранились огромные богатства. На это дельфийское золото они наняли войско и бросились войной на Фивы, которые довели их до святотатства и отчаяния. На стороне Фив сражались с фокидянами фессалийцы.

Эта война, которую называли священной, затянулась. Фокидян проклинали за их нечестивый поступок. И в то же время жалели. Если бы не Фивы, фокидяне никогда не решились бы разграбить всенародное святилище. А жалея, Афины и Спарта присылали на помощь фокидянам свои отряды.

Войском фокидян командовал Филомел, отважный и умелый военачальник. С ним было трудно справляться.

Филипп зорко следил за делами в Элладе.

– Дайте мне с моим войском сразиться с Филомелом, – обратился он к Фивам. – Я хочу наказать фокидян! И я могу это сделать!

Но против этого предложения восстали Афины:

– Филиппу не столько нужно воевать с фокидянами, сколько войти через Фермопилы в середину Эллады. А это опасно. Такому союзнику, как Филипп, доверять нельзя.

И афиняне, подогнав к побережью военные корабли, закрыли от Филиппа Фермопилы. Это было еще в 353 году.

Теперь наступило иное время. Многое изменилось. Сила Филиппа неимоверно возросла.

Война с фокидянами все еще тянулась. Вождь фокидян Филомел погиб в бою. Они выбрали другого вождя – Ономарха, не менее опытного и не менее отважного. И Фивы и Фессалия устали от этой войны. Совет амфиктионов, чтобы покончить с фокидянами, теперь уже решил поручить командование этой войной македонскому царю.

Итак, Филипп добился своего. Он объявил, что не собирается мстить за фивян. Нет, он идет покарать Фокиду за святотатство, за оскорбление бога. Нынче уже никто не загородил ему Фермопильского прохода. Он прошел через Фермопилы и вступил в Фокиду. Перед сражением он приказал воинам надеть лавровые венки – венки из ветвей дерева, посвященного оскорбленному богу Аполлону. Фокидяне дрогнули, увидев войско, увенчанное лаврами. Им казалось, что сам бог, которого они ограбили, выступил против них. Они потеряли мужество...

¹² *Амфикти́ония* – союз эллинских городов, расположенных по соседству с каким-либо святилищем. Целью союза была охрана святилища, взаимная охрана прав союзников и устройство общих празднеств.

Филипп расправился с Фокидой жестоко. Она была стерта с лица земли и исключена из совета амфикионов – из совета государств, охраняющих святилище. Место фокидян в совете Филипп потребовал себе. На совете были вынуждены вынести постановление: принять Филиппа в число амфикионов и отдать ему голоса фокидян.

Все это устроив, Филипп направил в Афины послов: пусть и Афины признают это постановление. Когда Филиппа вводили в совет, представителей Афин среди амфикионов не было.

На этот раз даже Демосфен, который по-прежнему ненавидел Филиппа, советовал уступить ему.

– Не потому, что это правильно, – с горестью сказал он. – Это даже несправедливо, чтобы македонянин участвовал в эллинском совете. Но я боюсь, как бы в противном случае не были вынуждены Афины вести войну со всеми городами сразу. К тому же Филипп уже прошел через Фермопилы и теперь может вторгнуться в Аттику. Выгоднее соблюдать мир, чем навлечь на себя такую опасность.

Так сказал Демосфен.

Однако сам он ни за что не хотел примириться с возрастающим могуществом Филиппа. Он по-прежнему выступал против него со своими гневными речами, которые потом были названы «филиппиками». Из всех сил своего таланта, своего редкостного красноречия он защищал от царя Афинскую республику.

Но у Филиппа в Афинах были и сторонники. Была македонская партия, которая считала, что для Эллады гораздо лучше было бы, если бы такой сильный, с железной волей человек, как Филипп, объединил ее. Эллада изнемогает от междоусобных войн, эллинские города непрерывно воюют между собой, отнимая все силы страны. И только одно можно сделать, чтобы спасти Элладу, – это признать Филиппа вождем, объединиться и под его началом обратить свое оружие против давнего и грозного врага – против персов.

Вождем этой партии был Исократ, знаменитый афинский оратор. Его мечтой было объединить все эллинские государства в один союз, а во главе поставить Афины.

– Наше афинское государство, – говорил он, – бесспорно признается самым великим и самым славным в мире!

Исократ призывал организовать священный поход против персидского царя, чтобы отомстить персам за все беды, причиненные Элладе, захватить персидские земли и поселить там всю афинскую безземельную бедноту.

Сам Исократ владел большими земельными угодьями. Может быть, его втайне тревожили мысли, что вся эта афинская беднота вдруг вздумает отнять у землевладельцев их земли. Так не лучше ли избавиться от этой голытьбы, поселив подальше от Афин?...

Исократ настаивал на этом – надо идти войной против персов. Но кто может возглавить объединенное эллинское войско?

Филипп Македонский. Потому что в Элладе таких полководцев, как он, нет. А те эллины, которые могли бы взяться за это дело, или умерли, или убиты в бесконечных войнах эллинских государств.

Выступал за Филиппа и оратор Эсхин, бывший актер. Речь его была пленительна, хотя и не слишком глубока. Демосфен ненавидел Эсхина за то, что он защищает Филиппа. Речи Исократ тоже возмущали его. Как можно допустить, чтобы этот наглец и обманщик Филипп стал их военачальником, чтобы этот варвар стал вождем их эллинского войска!

– Наоборот, надо заключить союз с персидским царем, – говорил Демосфен, – склонить к союзу с Афинами Фивы и, объединившись, выступить против Македонии и разбить Филиппа.

Был среди афинских ораторов еще один пламенный политический деятель – Эвбул, очень богатый человек. Он тоже стоял на стороне Филиппа. Когда Демосфен призывал к войне с Македонией, Эвбул доказывал, что воевать с Македонией не надо.

Эвбул ведал денежной кассой Афин. Он увеличил раздачу денег народу: каждый афинянин, не имеющий ни земли, ни заработка, получил от государства деньги на жизнь и на зрелища. Народ был доволен законом, который провел Эвбул. Богатые рабовладельцы довольны потому, что деньги эти брались из военного бюджета, а не у них. А беднота была довольна потому, что теперь получала денег больше.

И когда Демосфен в своей Третьей Олинфской речи стал доказывать, что нельзя тратить на зрелища деньги, которые нужны для вооружения, его не захотели слушать. А чтобы неповадно было выступать против этого постановления, Эвбул предложил специальный закон: если кто-нибудь еще выступит против, тому смертная казнь.

Не согласен был с Демосфеном, когда тот громил в своих речах Филиппа, и старый оратор Фокион. Он долго был военачальником и теперь хорошо понимал, что Македония гораздо сильнее их и что сражаться с Филиппом не имеет смысла.

Все эти ораторы были пылкого характера и часто в своих дискуссиях доходили до яростной брани.

– Эсхин – бессовестный и проклятый сикофант¹³, – кричал Демосфен, – крохобор, площадной крикун, жалкий писарь! Он дрянной и негодный от природы человек, он виновник гибели людей, областей, государств! Эсхин – это лиса, настоящая трагическая обезьяна, ведущая жизнь зайца, проклятый злобный человек!

– Демосфен – вероломное создание, – кричал в свою очередь Эсхин, – рабская натура, сикофант, болтун, неполнокровный¹⁴ гражданин, негодный человек из всех эллинов, бесстыдный, неблагодарный обманщик и негодяй!

Так, пока в Афинах ораторы без конца выступали, кто за Филиппа, кто против, кричали и бранились, Филипп в это время воевал в Иллирии и захватывал все новые земли, новые города.

Наконец было решено заключить всеобщий мир. Посланцы Филиппа явились для этого в Афины.

Посол Филиппа Пифон сказал:

– Македонский царь намерен оказать Афинам большие благодеяния и готов выслушать афинские предложения.

Афиняне ответили:

– Обе стороны должны иметь то, что всегда принадлежало им по праву. Остальные эллинские государства должны быть свободны и автономны. И если на них нападут, им должна быть оказана помощь.

Македоняне с этим согласиться не могли. Если принять такие условия, то Филиппу придется отказаться от всего фракийского и македонского побережья, которое он захватил, и вернуть все завоеванные города.

Послы Филиппа, ни о чем не договорившись, уехали домой.

¹³ *Сикофант* – профессиональный доносчик и соглядатай в Афинах.

¹⁴ Оратор Эсхин утверждал, что бабушка Демосфена – скифянка, а значит, Демосфен не является эллином чистой крови.

Букефал

Филипп залечивал рану. Он вернулся из Иллирии с перебитой копьем правой ключицей. Царь не любил болеть, не терпел бездействия. Но он не мог сейчас держать в руке ни меча, ни сариссы.

Жизнь во дворце была такой же шумной, как всегда, когда Филипп возвращался домой. Сейчас у него было полно гостей: в Пеллу приехали афинские актеры, музыканты, философы, ученые.

Филипп был отважен в бою, безудержен на пиру. Но, прекрасно для своего времени образованный, он любил музыку, ценил литературу, беседы с учеными людьми доставляли ему наслаждение. Филипп вводил в свою довольно дику страну эллинские обычаи, эллинскую культуру, эллинский язык.

Македонские цари издавна стремились привлекать к своему двору замечательных людей Эллады. В Македонии жил когда-то Меланипид, дифирамбический поэт с острова Мелоса, лучший лирик своего времени. Приезжал сюда и великий врач Гиппократ.

Царь Архелай, дед Филиппа, широко и радушно приглашал к себе философов и писателей. Софокл отклонил его приглашение. Сократ тоже не поехал в Македонию. Но трагик Агафон, эпический поэт Хойрил, музыкант и поэт Тимофей, художник Зевксис – все они подолгу жили у этого просвещенного и деятельного царя. Великий Еврипид¹⁵ провел у него свои последние годы жизни и умер в Македонии.

Филипп с такой же щедростью принимал у себя выдающихся людей.

Дни проходили весело, пестро, разнообразно. То разыгрывалась пьеса, то ученые, друзья Филиппа, вели увлекательные беседы на самые различные темы, то пели певцы под нежный звон кифар...

В царском мегароне всегда толпилась молодежь, дети знатных македонян. Филиппу это нравилось: пусть они учатся, развиваются, воспитывают свой вкус. На его вечерах неизменно присутствовал и Александр со своими товарищами и друзьями. И всегда рядом с ним был его лучший друг, красивый кудрявый Гефестион.

Однажды, вскоре после полуденной трапезы, во дворец пришел фессалиец Филоник.

Фессалия славилась своей конницей. В обширных долинах и на равнинах, богатых пастбищами, фессалийцы выращивали коней необыкновенной красоты и выносливости. Сами они, отважные всадники, не расставались с лошадью ни в походах, ни в мирные времена. Оттого и сложилась в древности легенда, что в долинах Фессалии жили кентавры.

– Царь, я привел тебе коня, – сказал Филоник.

– Коня? Но разве у меня нет коней?

– Таких у тебя нет и не будет.

Филипп усмехнулся. Окруженный гостями, он вышел во двор.

Солнце уже свалилось к западу, но лучи его были еще жарки и ослепительны.

У Александра, когда он увидел коня, забило сердце. Это был великолепный вороной конь с огненными глазами и с белой звездой на лбу.

– Его зовут Букефал¹⁶, – сказал фессалиец. – Видишь, какой у него широкий лоб? Как у быка. Хвалить не буду: он в похвалах не нуждается.

Конь в похвалах не нуждался. Он танцевал, ему не хватало терпения стоять на месте. Мускулы играли под его блестящей шерстью.

– Сколько же ты хочешь за своего Букефала? – спросил Филипп.

¹⁵ *Ευριπίδης* – древнегреческий драматург.

¹⁶ *Βουκεφάλας* – быкоглавый.

- Тринадцать талантов¹⁷.
- Тринадцать талантов за одного коня?
- Да, за одного коня. Но такой и есть только один.
- Посмотрим, каков он в беге.

Испытывать коня отправились в поле, на широкую зеленую равнину, залитую солнцем.

Молодой конник из свиты царя подошел к Букефалу, схватил за узду и вывел на равнину. Но, когда он хотел сесть на него, Букефал с диким ржанием встал на дыбы и отпрянул в сторону. Этер кричал на коня, стараясь усмирить, затягивал узду. Но от этого конь впадал в ярость и каждый раз, как только конник намеревался вскочить на него, взвивался на дыбы.

Подошел другой этер, более опытный, более суровый. Но сколько он ни боролся с Букефалом, конь и ему не покорился.

Филипп начинал хмуриться. Если бы не рана, он бы сам попробовал укротить коня. А этеры выходили к Букефалу один за другим и возвращались, ничего не добившись.

Филипп рассердился.

– Веди отсюда своего коня, – сказал он фессалийцу, – он же совсем дикий!

Тут Александр не выдержал:

– Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его!

Филипп сверкнул на него взглядом, но промолчал. Молодые македоняне-этеры были смущены. Попытались еще один-другой сладить с конем. И не могли.

– Эх, – с досадой опять сказал Александр, – какого коня лишаетесь вы, и только потому, что не умеете ездить и трусите!

Филипп прикрикнул на него:

– Ты упрекаешь старших, как будто больше их смыслишь или лучше их умеешь обращаться с конем!

– С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой!

– А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?

– Клянусь Зевсом, я заплачу то, что стоит конь!

Все вокруг засмеялись.

– Хорошо, – сказал Филипп, – спорим на тринадцать талантов!

– Спорим!

Александр сразу бросился к Букефалу. Крепко схватив за узду, он поставил коня против солнца. Александр видел, что конь пугается своей тени, которая мечется перед ним по траве.

Потом позволил ему бежать и сам побежал рядом, не выпуская узды, и все время ласково поглаживал коня, успокаивал его. А когда увидел, что Букефал успокоился, дышит глубоко и ровно, Александр сбросил с себя плащ и прыжком взлетел на коня. Конь рванулся. Александр сначала слегка сдерживал его, натянув поводья, а когда почувствовал, что конь рвется бежать, дал ему волю, да еще и крикнул на него, ударив по бокам пятками. Конь, вскинув голову, птицей полетел по зеленой равнине.

У Филиппа дрогнули и сомкнулись брови. Все кругом умолкло, затаив дыхание, охваченные тревогой и страхом. Александр уходил из их глаз, исчезая в знойном мареве долины. Казалось, что он сейчас исчезнет совсем и больше не вернется.

Прошло несколько страшных мгновений. И вот вдали снова показался всадник на вороном коне. Конь бежал красиво, словно летел на невидимых крыльях, а мальчишка сидел на нем как влитой – сияющий, гордый, торжествующий.

Царская свита закричала, приветствуя Александра. А Филипп прослезился.

Когда Александр соскочил с коня, Филипп обнял его и поцеловал.

¹⁷ *Талант* – единица веса и денежная единица в Древней Греции.

– Ищи, сын мой, царство по себе, – сказал он, – Македония для тебя слишком мала.

Аристотель

Хоть и мало Филипп бывал дома, но за развитием и воспитанием сына он зорко следил.

Чем старше становился Александр, тем серьезней задумывался Филипп: кого пригласить к Александру учителем? Александра учат музыке, декламации. Он много читает. Ему еще только тринадцать лет, а он уже отлично стреляет из лука, бросает копье, скачет на лошади, как самый опытный конник. А бегают он так, что никто из товарищей не может его догнать...

Но все это поверхностно и примитивно по сравнению с тем, что может дать человеку настоящая эллинская культура. Сам Филипп был хорошо образован и хотел, чтобы сын его получил такое же образование и, если можно, еще лучшее.

Кого пригласить? Характер у его сына таков, что не каждый с ним справится, – пылкий, своенравный. Глядя на его горделивую осанку, слыша зачастую строптивые его речи, Филипп не раз бормотал себе в усы слова Софокла: «...Кормило нужно тут и твердая узда».

Как-то Филиппу случилось встретиться с атарнейским царем Гермием, который был его союзником.

Между деловыми разговорами Филипп спросил, не знает ли Гермий достойного учителя, которого можно пригласить к Александру.

– Знаю! – живо ответил Гермий. – Таким достойным учителем может быть мой друг и родственник Аристотель.

Аристотель! Теперь и Филипп вспомнил о нем. Отец Аристотеля – Никомах когда-то жил в Македонии при дворе царя Аминты, отца Филиппа.

– Аристотель? Так ведь мы росли вместе с ним! Да, этот человек будет хорошим учителем и воспитателем. Я уже слышал о нем, о его мудрости, о его учености!

Аристотель в это время жил в городе Митилене, на Лесбосе. Сюда и прибыли к нему посланцы Филиппа с приглашением в Пеллу.

Аристотель тогда был очень занят: он наблюдал жизнь морских животных и писал о них книгу. Остров, омываемый прозрачно-синей водой Эгейского моря, очень подходил ему для его занятий.

Но Филиппу он отказать не мог. Потянуло в знакомые места, озаренные светлыми воспоминаниями о днях юности, когда мир казался загадочным и прекрасным. Как-то выглядит сейчас Филипп? Он был рослый, красивый и очень любил военную науку. И не даром – Филипп стал завоевателем. Как смеялся он, бывало, над Аристотелем, вечно размышлявшим о непонятных вещах: об устройстве Вселенной, куда уходит солнце и откуда появляется, на чем держатся звезды?

С тех пор прошло немало лет. Аристотель многое понял, до многого додумался, многое изучил.

А Филипп завоевал много городов, покорил много народов. Ну что ж, каждый делает свое дело.

Аристотель, не раздумывая, собрался в путь и отправился в Пеллу.

Александр с затаенным волнением ждал нового учителя. Когда во дворе по каменным плитам застучали копыта лошадей, Александр вышел из мегарона и встал под портиком. Ему хотелось увидеть Аристотеля прежде, чем тот увидит его.

Люди, сопровождавшие Аристотеля, помогли ученому сойти с коня – видно было, что этот нарядно одетый, небольшого роста человек не очень-то ловок в обращении с лошадьми.

Ему было лет сорок. Горбоносое лицо с очень маленьким ртом. На широком лбу с морщинами уже сквозят залысины, белокурая борода аккуратно подстрижена...

Аристотель отряхнул свой алый с черной каймой плащ, поправил золотую цепь на груди, оглянулся и тут же увидел Александра. Александр покраснел и выступил вперед. Они секунду смотрели друг на друга. Александру показалось, что небольшие темно-голубые глаза Аристотеля глядят в самую глубину его души, его мыслей...

Не успели ученик и учитель и слова сказать, как во двор вышел Филипп. Он встретил Аристотеля самой любезной из всех своих улыбок, обнял его и поцеловал.

В этот день они долго сидели в мегароне с кубками вина, вспоминали дни своей далекой юности. Аристотель переоделся к обеду. Пордевшие пряди завитых волос он начесал на лоб, чтобы скрыть залысины. На руках у него сверкали перстни с крупными драгоценными камнями. Аристотель следил за своей внешностью и любил одеваться пышно.

– Как ты вспомнил обо мне? – спросил Аристотель. – Ученых в Элладе много. Например, великий философ Платон. Я сам хотел у него учиться, но когда я приехал в Афины, оказалось, что он отправился в Сицилию.

– А, Платон! – усмехнулся Филипп. – Философ, который утверждает, что человек – это животное двуногое и бесперое... Я слышал, что Диоген принес ему ошипанного петуха и сказал: «Вот человек Платона!»

Оба рассмеялись.

– Но мне кажется, что он более созвучен твоему этос, Филипп.

– Моему этос – моему характеру? Почему же?

– Ты царь. И ты поймешь его. «Смешна огромная толпа, – говорит он, – которая думает, что она хорошо может судить о том, что гармонично и ритмично, а что нет».

– Он прав. Потому Афины и проигрывают битвы, что там управляет толпа.

– Эллины проигрывают битвы, потому что они разрозненны. Если бы эллины составляли одно целое государство, они могли бы властвовать над всей вселенной.

– Пока они объединятся, – а этого никогда не будет, – вселенную буду завоевывать я.

– Да, я слышал о твоих... так сказать... блистательных делах. Кстати, ты разорил Стагиру, родину моих отцов.

Филипп сделал грустное лицо.

– Да, – вздохнул он, – я разорил Стагиру. И очень сожалею. А что было делать? Город сопротивлялся. Но то, что я разорил, я же могу и восстановить. – И переменял разговор: – Так ты спрашиваешь, почему я пригласил именно тебя? Во-первых, потому что слава о твоей учености уже широко идет по всей Элладе. Во-вторых, твой отец был другом моего отца, а ты был моим другом. В-третьих, мне посоветовал обратиться к тебе Гермий, атарнейский царь, ведь ты одно время жил у него. И кажется, вы с ним в родстве?

Аристотель опустил глаза, словно разглядывая светящееся в золотой чаше вино.

– Несчастный Гермий погиб. Ты знаешь об этом?

– Я знаю. Персы увезли его в Сузы. Пытали и потом казнили.

– За связь с тобой, Филипп.

– За связь со мною!.. Я царь в своем царстве. Он был царем в своем царстве. Все царства так или иначе общаются между собой!

– Но его обвинили в том, что он вместе с тобой составил заговор против Персии.

Филипп возмущенно пожал плечами:

– О чем ты говоришь?! Я не знаю ни о каком заговоре!

Аристотель внимательно поглядел на него. Единственный глаз Филиппа, голубой, как небо, светился искренним недоумением.

Но Аристотель видел, что Филипп откровенно обманывает его.

– Ну, как твоя склонность к философии? – снова переменял разговор Филипп. – Большую ли услугу оказала она тебе в жизни?

– Может быть, она-то и оказала мне самую большую услугу, – задумчиво ответил Аристотель. – Эта наука помогает думать, размышлять, наблюдать... Чему же ты хочешь, чтобы я учил твоего сына?

– Всему, что знаешь сам. А главное – воспитай его настоящим эллином.

– Но как же иначе, Филипп? Эллины остаются эллинами. А варвары – варварами. И забывать этого нельзя.

– Вот что еще меня очень сильно интересует, – сказал Филипп. – Как ты смотришь на устройство государства? Может быть, ты демократ, Аристотель?

– Я думаю, Филипп, – осторожно ответил Аристотель, – что самое лучшее устройство государства – это небольшой полис, то есть государство-город, в котором первое место принадлежит средним слоям населения – ни очень богатым, ни очень бедным. Ведь хорошее государство больше всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы...

– Значит, ты считаешь монархию противоестественным политическим строем?

Филипп напряженно ждал ответа.

– Я считаю, что монархия – это нормальный строй, – уклончиво сказал Аристотель, – ненормальным строем я считаю тиранию. Тирания – это строй противоестественный. Ведь тиран должен все время следить за своими подданными: чем они занимаются, о чем говорят... Ему приходится возбуждать среди своих подданных взаимную вражду, чтобы эта вражда не обратилась против него самого. Тиран разоряет своих подданных, чтобы содержать для себя охрану да и чтобы народ, занятый заботами о повседневном пропитании, не имел досуга замысливать заговоры против своего правителя.

– Я рад, что ты не порицаешь монархию. Чем была Македония до меня? Чем бы она была, если бы у нее не было такого царя, как я? Сейчас по военному могуществу кто сравнится с моим государством?

– Это так, Филипп. Но если государство обращает внимание лишь на подготовку своих военных сил, то оно держится, пока ведет войны, и гибнет, лишь достигнет господства: во время мира такие государства теряют свой закал, подобно стали. Подумай об этом.

Филипп задумался.

– Решим так, Аристотель, – сказал он потом, – обучай моего сына разным наукам, как царя. Но муштруй его, как простолюдина. А управлять государством я научу его сам.

В тот же вечер во дворце был большой пир, затянувшийся до рассвета. Филипп дал себе волю. Он много пил, громко хохотал над грубым шутовством уличных мимов, шумно приветствовал флейтисток и танцовщиц, увеселявших гостей.

Чад и дым очага, звон кифар и свист флейт, неслаженные песни, крики, хохот... И царь и его гости самозабвенно веселились. Аристотель в раздумье смотрел на них, изредка пригубливая чашу.

Тринадцатилетний Александр, несмотря на требования Леонида уйти в спальню, сидел за столом, угрюмо глядя на это необузданное веселье. Аристотель подошел к нему, положил ему руку на плечо. Александр встал, губы его дрожали.

– Тебе нравится это, Александр?

– Нет.

– Зачем же ты сидишь здесь?

– Я хочу понять, почему отец предпочитает их всех – и этих флейтисток – моей матери?

– Уйдем, Александр. На такие вопросы еще ни один человек не мог дать ответа.

Миэза

Аристотель без труда доказал Филиппу, что ему и Александру надо куда-нибудь уехать из Пеллы.

– Шумная жизнь твоего двора будет мешать занятиям.

Филипп охотно согласился с ним. Его и самого смущало присутствие сына на его пирах.

Филипп поселил их недалеко от Пеллы, в маленьком городке Миэзе на реке Стримоне.

Александру казалось, что он вырвался из душного, тесного гнезда на свежий воздух, на волю. Вместо шума угарных отцовских пиров – серебристый шум реки, широкой и быстрой; вместо городских стен, замыкающих горизонт, – вершины Кабунских гор, одетых лесами. А если повернуться лицом к югу, то перед глазами высоко в небе засияет белая глава Олимпа, покрытая вечным снегом... Какая бы ни стояла жара, с Олимпа всегда веет хрустальной прохладой. Александр наслаждался этой прохладой: у него от рождения была очень горячая кожа. Говорили, что это свойство и делает его таким вспыльчивым.

В этом мирном уголке стояла полная тишина. Только ветер шумел в лесах, да пели птицы, да позванивал где-нибудь в ущелье небольшой водопад. Тихо было и в самой Миэзе, с ее маленькими домами, слепленными из глины, окруженными каменными стенами. Эти стены делали улицу слепой и пустынной; вся жизнь проходила во дворах – там жили, варили пищу, растили детей.

Мужчин в селах оставалось немного: Филипп взял в свои войска всех, кто в силах держать оружие. Остались старики, женщины, дети. Но они не бросили землю незасеянной. В долине, особенно по берегам Стримона, на тучных полях колосились пшеница и усатый ячмень, наливались сочные плети гороха... На склонах гор, укрытых густой травой до самой кромки леса, паслись стада: лошади, коровы, овцы, козы... Выше стадам подниматься было опасно: в лесах было полно зверья. Дикие кабаны бродили в горах, волки, медведи, барсы. Даже львы водились там. Рассказывают, что они нападали на верблюдов, когда войска царя Ксеркса проходили по македонским лесам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.